УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

К
36

на

1816й годъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IMP. CHARKOVSKOI BIBLIOTHECAE

Мѣсяцъ Апрѣль

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи,
1816.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесенїи читавшаго сїе сочиненїе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, что бы по напечатанїи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенїя, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библїотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академїи Наукъ. Марта 25 дня 1816 года.

Деканъ Гаврїилъ Успенскїй.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

К
36

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Гетманъ Хмѣльницкій.

(*Продолженіе*).

Хмѣльницкій началъ давать худое понятіе о семъ Господарѣ Министрамъ Порты; внушая имъ, что онъ втайнѣ былъ ея врагомъ и въ союзѣ съ Польшею, которая въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ знала намѣренія Турковъ и Татаръ. Сіи Министры увѣрили Хмѣльницкаго въ покровительствѣ Султана, который обѣщался пожаловать ему Малороссію, какъ помѣстье Оттоманской Имперіи и побуждалъ его къ исполненію своихъ предпріятій противъ Молдавскаго Господаря.

При семъ замыслѣ Хмѣльницкій велъ себя съ великимъ искуствомъ и скрытностію. Онъ заставилъ Татаръ начать войну и

далъ имъ въ помощь только четыре тысячи Козаковъ. Для большей скрытности и что бы лучше обмануть наблюдателей, — Ханъ послалъ къ Хмѣльницкому Депутатовъ, — благодарить его за вспоможенїе, оказанное ему въ войнѣ противъ Черкесовъ и просить его, что бы онъ ему помогъ снова; потому что онъ намѣренъ былъ вступить въ Россїю для отмщенїя обидъ, которыя, по словамъ его, нанесъ ему Царь. Такимъ образомъ всѣ сосѣднїе Государи были увѣрены, что Татары готовились воевать съ Россїею. Молдавскїй Господарь, какъ и другїе, остался въ совершенной безпечности; но его вскорѣ наказали за излишнюю довѣренность: онъ окруженъ былъ многочисленнымъ войскомъ Татаръ, сопровождаемыхъ четырью тысячами козаковъ. Въ такой непредвидѣнной бѣдѣ онъ ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ поскорѣе удалиться съ своимъ семействомъ въ лѣса около Яссъ — своей Столицы. Тамъ онъ людямъ, сколько могъ съ собою взять, велѣлъ нарубить лѣсу и здѣлать изъ него родъ шанцевъ. Онъ отдѣлался отъ всего,

давши двадцать тысячъ дукатовъ Татарамъ и обѣщая свою дочь Тимоѳею, сыну Хмѣльницкаго.

Сіе неловкое предпріятіе со стороны Козаковъ не переставало безпокоить Польшу; къ тому жъ еще и другія причины тревожили ее. Крестьяне Украинскіе, подкрѣпляемые Запорожскими Козаками, не хотѣли принимать Польскихъ дворянъ, покушавшихся занять земли, нѣкогда бывшія въ ихъ владѣніи. Они худо поступали съ ними и даже умерщвляли всѣхъ, сколько ихъ ни появлялось. Такое поведеніе имѣетъ съ покушеніемъ на Молдавію, побудило Польскаго Короля и республику послать въ Каменецъ Генерала Потоцкаго, возвратившагося внедавнѣ изъ Татарской темницы, съ многочисленнымъ корпусомъ войскъ.

Хмѣльницкій, встревоженный симъ движеніемъ, послалъ одного изъ своихъ офицеровъ къ Генералу Потоцкому извѣстить его, сколь странно для него было приближеніе Польскихъ войскъ въ такое время, когда республика наслаждалась глубочайшею тишиною; присовокупляя,

что у него въ разпоряженіи сильное Козацкое войско, — естьли нужно будетъ защищать границы. Генералъ упрекалъ депутата въ томъ, что Козаки нарушили миръ, худо обошлись съ дворянами и воевали, по желанію Хмѣльницкаго, съ Господаремъ Молдавскимъ, безъ вѣдома республики; наконецъ прибавилъ, что ему нельзя отступить безъ Королевскаго повелѣнія.

Сей отвѣтъ не понравился депутату Хмѣльницкаго; онъ изъявилъ Генералу Польскому, что и Гетманъ его не болѣе тѣмъ останется доволенъ; и даже въ рѣчь свою вмѣшалъ нѣсколько неприязненныхъ предложеній. Но поелику намѣреніе — укрѣпиться покровительствомъ Порты, или Россіи еще не было исполнено; то Хмѣльницкій избѣгалъ всякаго случая къ разрыву.

Между тѣмъ худо принятые въ Украйнѣ Дворяне Польскіе, коихъ главою былъ Князь Вышневецкій, безпрестанно жаловались Королю и сей Государь нашелся принужденнымъ писать къ Хмѣльницкому, упрекая его въ походѣ на Молдавію и

въ обидахъ, кои ежедневно были причиняемы Польскимъ дворянамъ въ Украйнѣ. Онъ приказалъ ему поставить Запорожскую армію на ея квартиры и наказать крестьянъ, вооружавшихся противъ своихъ господъ. Хмѣльницкій принялъ сіе письмо съ изъявленіемъ величайшаго почтенія и обѣщался удовлетворить во всемъ; но все это онъ велъ очень медленно. Онъ видѣлъ, что ему нельзя было въ томъ успѣть; потому что козаки были въ крайнемъ негодованіи на Короля, который отнималъ у нихъ лучшія земли и давалъ ихъ Полякамъ, — и потому онъ занялся только собственною безопасностію и обезпеченіемъ страны своей. Тутъ старался онъ еще болѣе, нежели когда нибудь, войти въ тѣснѣйшую связь съ Турками и Царемъ Россійскимъ. Послѣдняя казалась ему и выгоднѣе и безопаснѣе, нежели связь съ Султаномъ, по причинѣ одинаковости вѣры у Русскихъ съ Козаками.

Поляки, узнавшіе отъ сосѣднихъ Князей о безпрерывномъ сношеніи Хмѣльницкаго съ Турками и Россіянами, побудили Короля созвать общій сеймъ, кото-

рый и собрался къ концу 1650 года. Король изложилъ поведенїе Хмѣльницкаго и Козаковъ, — презрѣнїе, которое оказывали они ему и республикѣ, — насилїя учиненныя ими Польскимъ дворянамъ,—наконецъ стараніе Гетмана ихъ умножить свои силы союзомъ съ Турками и Татарами. Онъ представилъ также, что Гетманъ Козацкїй могъ собрать въ самомъ скоромъ времени восемдесятъ тысячь войска, утверждая притомъ, что всякой козакъ могъ имѣть при себѣ двухъ слугъ — пѣшаго и коннаго и еще одного для работы. Нѣкоторые изъ членовъ сего собранїя, много потерпѣвшїе въ послѣднюю войну, склонились къ миру, говоря,—что силы Королевства слишкомъ ослаблены. Между тѣмъ самая большая часть хотѣла войны. Въ то время, какъ они такимъ образомъ спорили, козаки послали на сеймъ депутатовъ съ требованїемъ — уничтожить соединенїе Греческихъ Католиковъ съ Римскими, такъ какъ это было постановлено одною изъ статей Зборовскаго мира,—чтобы Хмѣльницкїй оставался владѣтелемъ страны около Днѣпра; чтобы

впредь ни одинъ Польской дворянинъ не имѣлъ власти надъ поселянами сей страны; чтобы дворяне, которымъ бы вздумалось остаться тамъ, обязаны были работать, какъ крестьяне; чтобы девять Епископовъ поклялись въ полномъ Сенатѣ заставить сохранять сіи статьи; что бы для безопасности отдали заложниками Хмѣльницкому четырехъ воеводъ, по его выбору, и что на сихъ условіяхъ Хмѣльницкій обязался бы платить ежегодно милліонъ флориновъ: естьлиже король Польскій и республика отвергнутъ сіе предложеніе; то Хмѣльницкій требовалъ, что бы Козакамъ дали такую землю, гдѣ бы они могли жить, не имѣя никакого сообщенія съ Поляками; что бы *его Величество* и двенадцать главныхъ Сенаторовъ поклялись на всегда сохранять миръ Зборовскій; что бы, для большей безопасности, трое изъ сихъ Сенаторовъ остались заложниками въ рукахъ Гетмана и наконецъ, что бы не соединять Греческихъ *Католиковъ* съ Римскими.

Такія предложенія конечно не для того были сдѣланы, чтобы продлить

миръ; они и тѣхъ, кои желали мира, побудили вмѣстѣ съ другими требовать войны. Итакъ единодушно положили — воевать. А что бы выгоднѣе вести войну; опредѣлили сдѣлать наборъ 50,000 человѣкъ и требовать отъ Брандебургскаго Курфирста войско, которое онъ обязался трактатомъ въ случаѣ нужды давать Польшѣ—какъ союзницѣ Пруссіи. Войско сіе, спустя нѣсколько времени, пришло подъ командою Генерала Валрода. На сеймѣ предложили также начать войну прежде весны; дабы такимъ образомъ не дать Козакамъ приготовиться и чтобы удобнѣе сойтися съ ними до разтаянія болотъ и разлива рѣкъ, чѣмъ обыкновенно они защищаются въ своихъ маршахъ и станахъ, и чтобы выиграть передъ ними какую нибудь выгоду, или и совершенно разбить ихъ прежде, нежели помогли бы имъ Турки и Татары; первые не пошли бы по непривычкѣ къ холоду; а другіе по невозможности найти зимою довольно корму для лошадей. Но вышло не такъ; потому что войска, коихъ наборъ былъ опредѣленъ сеймомъ, собрались

очень не скоро. Между тѣмъ Король послалъ Калиновскаго защищать границы отъ нападенія Козаковъ въ случаѣ, естьли бы они войну предпочли миру, который рѣшено было предложить имъ, дабы выиграть время, до сроку Зборовскаго трактата. Хмѣльницкій любилъ лучше предварять, нежели быть предвареннымъ; и потому онъ началъ непріязненныя дѣйствія на границѣ. Нечай, одинъ изъ его Генераловъ, у котораго подъ командою было три тысячи человѣкъ, всю ту страну предалъ огню и мечу; онъ въ присутствіи одного Турецкаго посланнаго умертвилъ депутатовъ воеводы Браславскаго; но тотъ же Нечай, прогнанный войскомъ сего воеводы и Калиновскаго даже къ Красному Ставу, погибъ тамъ со всѣми при немъ бывшими.

Потомъ Хмѣльницкій послалъ Богуна, другаго Генерала, сопротивляться Калиновскому. Сей овладѣлъ городомъ Винницею на Бугѣ; но Поляки, съ большимъ трудомъ перешедшіе чрезъ сію рѣку, осадили замокъ и взяли его приступомъ. Они хотѣли было преслѣдовать Козаковъ; и путь

подоспѣли полки Чигиринскій, Прилуцкій Любецкій и Браславскій, каждый изъ двухъ тысячъ человѣкъ. Калиновскій выступилъ изъ города, оставивши тамъ нѣсколько войска, служителей и обозъ. Онъ приготовилъ своихъ солдатъ къ сраженію на ближнемъ полѣ. Въ это время страхъ обуялъ войскомъ, оставшимся въ Винницѣ; оно грабитъ обозъ и оставляетъ городъ. Тутъ козаки тѣснятъ Польскую армію и принуждаютъ ее отступить въ безпорядкѣ подъ пушки Бара съ потерею четырехъ тысячъ человѣкъ и артиллеріи.

Сей уронъ побудилъ Короля, который отправился было на поклоненіе въ Зуровицу — мѣсто богомолья въ Литвѣ, поспѣшить на границу. Генералъ Потоцкій собиралъ свои войска близъ Сокала. Сей узналъ въ Люблинѣ о вторженіи козаковъ въ Подолію и о связи ихъ съ Портою. Объ этомъ сообщилъ ему посланникъ Императора при семъ дворѣ.

Калиновскій отступилъ отъ Бара къ Каменцу; онъ получилъ приказаніе тотчасъ соединиться съ большою арміею. Оставивши въ семъ мѣстѣ — для Польши

столь важномъ — достаточный гарнизонъ для защиты, онъ долгомъ почелъ исполнить сіе приказаніе. Его преслѣдовали и тѣснили 18 тысячь Козаковъ и 2 тысячи Татаръ. Прочее Козацкое войско, состоявшее изъ 60,000 человѣкъ, рѣшилось напасть на Каменецъ, хотя безъ приказанія Хмѣльницкаго. Сіе войско на переходѣ своемъ взяло одинъ замокъ, гдѣ нашло оно значительную добычу. Потомъ оно нѣсколько разъ подступало къ Каменцу; но всегда было отражаемо. Хмѣльницкій, узнавши о покушеніяхъ и неудачѣ своихъ войскъ, приказалъ имъ отступить. Войска преслѣдовавшія Калиновскаго много у него побили людей въ сраженіи происходившемъ близъ Зборова 14 Маія, 1651. Полкъ Собіескаго не мало потерпѣлъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ такъ же и козаки съ своей стороны потеряли множество рядовыхъ, а сверхъ того Полковника и Мурзу.

Калиновскій по причинѣ худыхъ дорогъ и безпрестанныхъ потерь принужденъ былъ бросить свои повозки; но что бы ето нѣкоторымъ образомъ вознаградить и по крайней мѣрѣ увеличить свою

армїю въ глазахъ непрїятеля, онъ приказалъ армейскимъ служителямъ сѣсть на лошадей, взятыхъ отъ повозокъ. Наконецъ, испытавши множество нападенїй, неудобствъ и всякаго рода безпокойствъ, онъ соединился съ большою армїею въ концѣ Мая.

Войска, собранныя на щетъ республики и помѣщиковъ, прибыли со всѣхъ сторонъ на сборное мѣсто. Бывшихъ на иждивенїи республики щиталось десять тысячь; а всѣхъ вмѣстѣ съ дворянскими было до 80 тысячь человѣкъ, кромѣ служителей, которыхъ такъ же было не малое число.

Поелику столь большая армїя не могла долѣе оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не чувствуя недостатка въ съѣстныхъ припасахъ; то и разсудилось Королю поскорѣе употребить ее въ дѣло. Составили военный совѣтъ, продолжавшїйся цѣлую ночь. Въ немъ много спорили касательно способа, какъ напасть на Козаковъ и наконецъ было рѣшено — взять кратчайшїй путь, что бы итти на нихъ.

Іюня 15 Король выступилъ къ Берестечку съ войсками своими и присланными къ нему отъ Курфирста Брандебургскаго. Лучшими онъ самъ командовалъ; а другїе были подъ начальствомъ знатнѣйшихъ Генераловъ.

Дорогою узнали отъ салдата, оставившаго Козацкую армїю, что Хмѣльницкїй уѣхалъ изъ стана разположеннаго между Збаражемъ и Вышневицкомъ, на встрѣчу Хана, котораго онъ ожидалъ съ нетерпѣнїемъ. Хмѣльницкїй просилъ у Хана помощи, не полагаясь совершенно на свои силы, хотя и собралъ онъ чрезвычайное множество крестьянъ, кромѣ полковыхъ козаковъ; но съ Ханомъ было только шесть тысячь Татаръ.

Король, прибывши къ Берестечку разположилъ свой станъ близъ сего города вдоль рѣки Стира и отрядилъ три тысячи конницы для открытїя непрїятеля. Вскорѣ узнали отъ плѣнныхъ, что Ханъ пришелъ къ Хмѣльницкому съ многочисленнымъ войскомъ и что они отправили партизановъ, дабы узнать состоянїе Польской армїи и мѣста, на которыхъ она

разположилась. По сей причинѣ опредѣлено было оставить Берестечекъ и податься къ Дубно. Войско начинало уже дефилировать; какъ вдругъ Князь Вышневецкій увѣдомилъ Короля, что Хмѣльницкій и Ханъ поспѣшали къ арміи. Тутъ Король остановился и потянулъ опять войско на то мѣсто, которое оно только что оставило. Едва пришли туда, какъ увидѣли, что вся армія Козаковъ и Татаръ приближается къ Пырятину, — деревнѣ въ пяти стахъ шаговъ отъ Берестечка.

Первые два дни, когда арміи находились въ виду, т. е. 27 и 28 Іюня, прошли въ перестрѣлкахъ, при которыхъ Татары и Поляки потеряли много людей. Поляки увидя, что непріятели ихъ старались продлить время, дабы по истощеніи всѣхъ съѣстныхъ припасовъ довести ихъ до крайности, — рѣшились дать сраженіе на другой день. Король провелъ ночь на молитвѣ и давая нужные приказы При наступленіи дня онъ поставилъ армію въ боевой порядокъ, чего не могъ

примѣтить непрїятель по причинѣ густаго тумана.

Наконецъ солнце, разогнавъ туманъ закрывавшїй Польскую армїю, явило ее передъ глазами непрїятеля. Она состояла изъ трехъ сотъ тысячъ готовыхъ къ сраженїю и столько занимала земли, сколько можно было обьять взоромъ. Татары, занявшїе нѣкоторыя сосѣднїя высоты, наполняли все пространство между ними, наподобїе полумѣсяца. По правую сторону у нихъ были Козаки, стоявшїе противъ лѣваго крыла Польской армїи и перемѣшанные съ нѣсколькими отрядами Татаръ. Цѣлое утро прошло въ легкихъ стычкахъ. Король думая, что Козаки намѣрены были въ продолженїе дня только занимать его, запретилъ солдатамъ сходить съ своихъ мѣстъ и приказалъ истребить всѣ мосты, бывшїе на Стыри, чтобъ не быть атакованну сзади.

Потомъ онъ велѣлъ начать сраженїе Князю Вышневецкому съ двенадцатью отрядами старыхъ войскъ, подкрѣпляемыхъ четырью воеводами. Козаки приняли ихъ

съ удивительною твердостїю. Сраженїе длилось около часаи въ продолженїе сего времени дымъ и пыль скрывали Козацкїя войска отъ Польскихъ. Когда сїи начали утомляться; то были подкрѣплены свѣжими войсками, посланными Королемъ и которые пробились сквозь Козаковъ. Тутъ Король подался съ корпусомъ на главную часть войска Татаръ и окружилъ ихъ. Но видя явную опасность, когда уже около него было убито три человѣка и ядро упало къ ногамъ его, онъ удалился съ сей высоты. Только наступившая ночь и быстрота лошадей спасли Татаръ. Они оставили множество сѣделъ, сабель, повозокъ, даже палатку и штандартъ ихъ Хана и его серебряный позолоченый барабанчикъ, которымъ сзывали особъ его свиты. Король, отрядивши различные корпусы конницы для преслѣдованія Татаръ, наступилъ на средину Козацкой армїи состоявшей болѣе, нежели изо ста тысячь человѣкъ и производившей безпрестанный огонь изъ сорока орудїй.

Хмѣльницкїй удалился съ Татарами, въ намѣренїи привести ихъ опять на

сраженіе; но ему не возможно было ничѣмъ убѣдить ихъ. Сверхъ того Ханъ наговорилъ ему множество грубостей и упрекалъ въ томъ, что онъ обманулъ его, скрывая настоящее положеніе Польской арміи. Онъ даже грозилъ послать его къ Королю Польскому въ замѣну мурзъ, имъ плѣненныхъ и не прежде отпустить, какъ развѣ когда онъ пошлетъ приказаніе въ Чигиринъ выдать значительную сумму денегъ и часть добычи приобрѣтенной имъ до того времени въ Польшѣ.

(Продолженіе впредь).

Историческія замѣчанія о Малороссіи отъ смерти Гетмана Богдана Хмѣльницкаго до Полтавскаго сраженія.

О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!
В. Жуковскій.

Взглядъ на полвѣка протекшаго отъ смерти незабвеннаго нашего Хмѣльниц-

каго до тѣхъ поръ, какъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ мощною рукою навсегда соединилъ два племена Рускія, — покажетъ намъ, сколь гибельно было для Малороссіи сіе время. Слабая между сильными должна была она прибѣгать къ которому либо сосѣду, чтобъ отражать другихъ; но безразсудство, недальновидность и своекорыстіе вождей часто ввергали ее въ величайшія бѣдствія. Хищныя орды Татарскія, на помощь призываемыя, разсыпались для грабежа по всему ея пространству; сильные тогда Оттоманы заставили испытывать нещастныхъ жителей ея всѣ неистовства, ужасающія природу и воинственные Поляки снова угрожали ей порабощеніемъ.

Но слѣды чужеземнаго непріятеля скорѣе изчезаютъ; поля, имъ опустошенныя, по изгнаніи его снова покрываются богатою жатвою; — вражда же и ненависть братьевъ, войны междоусобныя наносятъ вредъ почти неизцѣльный. Опустошеніе, внутреннимъ мятежемъ причиненное, ощутительнѣе и долговременнѣе; тѣмъ болѣе, что взаимное подозрѣніе и

опасенїе препятствуютъ вознаградить потери.

Самое правленїе Малороссїи было гибельно для нея. Гетманы, имѣя въ рукахъ сильную власть и не надѣясь передать ее потомкамъ, не заботились о благѣ управляемой ими страны; они употребляли всѣ способы возвысить родственниковъ и друзей своихъ и обогатить ихъ на щетъ народа; мало взыскивали съ другихъ начальниковъ, отъ выбора которыхъ они зависѣли и произволъ коихъ часто лишалъ ихъ сего достоинства. При томъ всегда ли выборъ главы падалъ на достойнѣйшаго? Всегда ли отличная храбрость, испытанное благоразумїе и мудрая опытность имѣли преимущество? Случай, игра страстей и — можетъ быть подкупъ вели къ сему высокому мѣсту. Многїе опыты насъ въ томъ увѣряютъ. Возводимые и свергаемые, они мстили врагамъ личнымъ, и гласъ любви къ Отечеству былъ заглушаемъ воплями войны междоусобной.

Словомъ, время сїе было самое несчастное для Малороссїи. Образъ ея правленїя не соотвѣтствовалъ болѣе духу вре-

мени. Политическія отношенія сосѣдей требовали отъ нея непремѣннаго соединенія съ которымъ либо изъ нихъ. Но съ кѣмъ она могла выгоднѣе соединиться, какъ не съ народомъ одного съ нею происхожденія, языка и вѣры? Оставя гибельную мечту самостоятельной вольности, она приобрѣла постоянное щастіе; и благоденствіе ея съ тѣхъ поръ возрастало и возрастаетъ подъ сильною державою Великихъ Монарховъ.

Едва успокоившаяся Малороссія подъ правленіемъ Гетмана Богдана Хмѣльницкаго начала возвращать истощенныя силы свои, какъ смерть сего великаго мужа повергла ее въ новыя бѣдствія. Признательность и любовь народа возвели еще при жизни его въ наслѣдники сего высокаго достоинства сына его Юрія. Но къ сожалѣнію здѣсь подтвердилась непріятная истинна, что не всегда съ славнымъ именемъ отца переходятъ великія дарованія къ дѣтямъ. Молодость, неопытность его и зависть другихъ содѣлали, что едва успѣлъ онъ получить власть надъ народомъ—привыкшимъ въ упра-

вленіе отца его видѣть въ своемъ вождѣ великаго человѣка, едва жезлъ правленія надъ народомъ воинственнымъ и возбуждаемымъ сосѣдними взаимно ревнующими націями изъ рукъ сильнаго мужа перешелъ въ слабые руки юноши, какъ страшныя междоусобныя брани возстали въ народѣ.

Юрій, отдавъ послѣдній долгъ отцу своему, скончавшемуся 1657 года Августа 15, или не полагаясь на сили свои, или желая еще испытать разположеніе народа, слагалъ съ себя достоинство Гетмана. Многіе изъ начальниковъ послѣдовали его примѣру, и народъ былъ въ недоумѣніи на что рѣшиться. Наконецъ опять единогласно провозгласили молодаго Хмѣльницкаго Гетманомъ и только придали ему для совѣтовъ Обознаго Носача, Судью Григорія Лѣсницкаго и Генеральнаго писаря Ивана Виговскаго. Тогда же постановили, чтобъ соединенный съ Хмѣльницкимъ узами родства Виговскій, выходя въ походъ, бралъ съ собою знаки достоинства Гетманскаго; а возвращаясь, отдавалъ бы ихъ ему; но хитрый Виго-

скій, скрывая свои намѣренія, умѣлъ испросить позволеніе числиться въ походѣ Гетманомъ войска Запорожскаго.

Итакъ Юрій Хмѣльницкій только именемъ былъ Гетманъ; Виговскій же, захвативши знаки онаго и казну, началъ вести тайные переговоры съ присланнымъ къ нему отъ Поляковъ Жегнинскимъ.

Полтавскій Полковникъ Пушкарь довелъ (1658) до свѣденія Царя Алексѣя Михайловича умыслъ Виговскаго; для изслѣдованія сего присланъ былъ Бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ. Но Виговскій умѣлъ такъ искусно скрыть настоящее положеніе дѣлъ и такъ очернить Хмѣльницкаго въ глазахъ Боярина, что сей именемъ Царя утвердилъ Виговскаго въ достоинствѣ Гетмана.

Пушкарь, узнавъ о произшедшемъ, съ 20000 собранныхъ имъ Козаковъ выступилъ къ Переяславу противъ Виговскаго; но Хитровъ, по настоянію сего, отправился къ Пушкарю въ Лубны и принудилъ его возвратишься въ Полтаву. По видимому все утихло; но искра раздора тлѣлась подъ пепломъ.

Новый Гетманъ, чтобы лучше скрыть свои замыслы, въ тоже время извѣстилъ Царя,— что Поляки хотятъ уклониться отъ избранія его въ Короли (*); между тѣмъ какъ Поляки чрезъ посланниковъ утвердили Виговскаго Гетманомъ, предлагая ему многія выгодныя условія.

Виговскій не упускалъ изъ виду также усилиться и внутри. Зная ненависть Пушкаря, послалъ онъ противъ него войска, кои избѣгая войны междоусобной, разошлися; другія, высланныя имъ, разбиты были Пушкаремъ близъ Полтавы; а вспомогательныя Сербскія имѣли туже участь близъ рѣчки Груня.

Поляки, собравшися въ этотъ годъ на Сеймъ въ Варшавѣ, и желая въ тогдашнемъ сомнительномъ своемъ положеніи привлечь Козаковъ, положили дать имъ великія преимущества. Свобода вѣроисповѣданія, позволеніе содержать 60000 войска, мѣсто въ Сенатѣ Митрополиту Кіевскому по Архіепископѣ Гнѣзненскомъ, пра-

(*) Извѣстно, что Царя Алексѣя Михайловича хотѣли избрать Королемъ Польскимъ.

во бить свою монету, подчиненность лишь одному свободно избранному Гетману и множество другихъ выгодъ были обѣщаны.

Виговскій, искавшій неограниченной власти, съ охотою склонился на сторону Поляковъ; и подкрѣпляемый ихъ и Татарскими войсками, не скрывалъ болѣе своихъ намѣреній.

Онъ учинилъ нападеніе прежде всѣхъ на Пушкаря. Сначала Пушкарь привелъ въ безпорядокъ Козаковъ Виговскаго и захватилъ даже булаву Гетманскую; но въ свою очередь войсками Польскими и Татарскими былъ пораженъ: онъ, потерявъ сраженіе, вмѣстѣ лишился и жизни. Полтава была разграблена и сожжена.

Виговскій заключивши потомъ въ оковы сдавшагося ему на капитуляцію въ Зѣньковѣ Наказнаго Гетмана Силку, отдалъ на разграбленіе Татарамъ Зѣньковъ, Веприкъ, Рашавку, Лютенку, Сорочинцы, Ковалевку, Обуховку, Барановку, Богачку, Уставицу, Яреськи, Шишакъ, Бурки, Хомутецъ, Миргородъ, Безпальчики и многіе другіе мѣста; между тѣмъ, какъ дер-

жавшійся стороны его Полковникъ Нѣжинскій Григорій Гуляницкій, вторгшись въ то же время хитростію въ Гадячъ, началъ было грабить; но Козаки, засѣвшіе въ замкѣ, его оттуда выгнали.

Царь, извѣщенный о непріятельскихъ поступкахъ Виговскаго, отправилъ съ 2000 войскъ Князя Григорія Григоріевича Ромодановскаго,—съ которымъ соединились пограничные оставшіеся вѣрными Козацкіе полки подъ предводительствомъ Гетмана Ивана Беспалаго, Кошеваго Запорожскаго Барабаша и Есаула Вороника. Преслѣдуя Виговскаго сожгли они Лубны, Пырятинъ, Чернухи, Горошинъ и другіе; но жестокость зимы заставила Князя Ромодановскаго остановиться на зимнихъ квартирахъ въ Лохвицѣ, а Беспалаго въ Ромнѣ.

Виговскій новою уловкою хотѣлъ поправить свои дѣла: онъ писалъ къ Царю Алексѣю Михайловичу, что никогда невозставалъ противъ него, что единственно усмирялъ своихъ противниковъ Пушкаря и прочихъ; а между тѣмъ со вспомогательными Татарскими и Польскими войсками спѣшилъ онъ на помощь къ

осажденному въ Конотопѣ (1659) Гуляницкому. Войска Россійскія подъ предводительствомъ Князей Трубецкаго и Ромодановскаго, по жестокомъ сраженіи, принуждены были отступить и Татары простерли набѣги свои далеко внутрь Россіи.

При сихъ обстоятельствахъ Юрій Хмѣльницкій вздумалъ опять присвоить себѣ неправедно отнятое у него достоинство: онъ послалъ въ Сѣчь Запорожскую Ивана Брюховецкаго принесть жалобу на Виговскаго.

Козаки, жившіе по Днѣпру, Бугу и въ другихъ мѣстахъ Украины,— видя, что Виговскій, оставивши сторону Россіи, присталъ къ Полякамъ; что разоряетъ самъ Малороссію и позволяетъ Татарамъ производить всѣ неистовства, соотчичей предаетъ имъ въ рабство, Пушкаря и другихъ вѣрныхъ Государю умерщвляетъ, и только вредитъ своей отчизнѣ,— собрались въ Брацлавѣ для избранія новаго Гетмана: выборъ ихъ палъ снова на Хмѣльницкаго.

Виговскій, чтобъ погасить пожаръ заранѣе,—оставя Татаръ поспѣшалъ къ Днѣ-

пру. Немеричь и Сулима, старавшіеся о заключеніи съ Поляками союза, были умерщвлены; та же участь постигла бы и Виговскаго безъ защиты Поляковъ. Онъ принужденъ былъ сложить съ себя достоинство Гетмана, возвратить булаву и прочіе знаки Хмѣльницкому и бѣжать въ Польшу.

Юрій, видя слабость Польши, отринулъ ея покровительство, — отпустилъ присланнаго къ нему отъ Короля Кастеляна Волынскаго; и Переяславскій Полковникъ Цюцюра, по его повелѣнію, выгналъ всѣхъ Поляковъ изъ Малороссіи.

Прибывъ въ Чигиринъ съ Кошевымъ Запорожскимъ Сѣркомъ, отослалъ онъ оттуда жену Виговскаго къ мужу ея въ Польшу; и покорясь Царю, былъ утвержденъ въ своемъ достоинствѣ присланнымъ туда Бояриномъ Княземъ Трубецкимъ.

Едва утвердился Хмѣльницкій то жители обѣихъ сторонъ Днѣпра стеклися во множествѣ къ нему, какъ нѣкогда стекались они къ отцу его. Не вмѣстясь въ Малороссіи, заселяли они порожнія Великороссійскія земли; и по повелѣнію

Государя въ послѣдствіи были раздѣлены на пять полковъ, надъ коими поставлены Полковники въ Сумахъ, Ахтыркѣ, Харьковѣ, Изюмѣ и Рыбномъ или Острогожскѣ (1).

Въ 1660 году Хмѣльницкій, по волѣ Царя, вступилъ одною дорогою въ Польшу; а Бояринъ Василій Васильевичь Шереметьевъ съ наказнымъ Гетманомъ Цюцюрою другою, положивъ соединиться при Львовѣ. Сначала причинили они великія опустошенія, особливо разбивши Коронаго Маршала близь Дубно; но Поляки, заключивъ съ Шведами миръ, обратили всѣ силы свои противъ Рускихъ, — призвавъ на помощь и Татаръ. Подъ Чудковымъ и Слободищами они сдѣлали нечаянное нападеніе. Хмѣльницкій, немогши одинъ противиться Полякамъ, присталъ къ ихъ сторонѣ; а Шереметьевъ, узнавъ невовремя ошибку, что раздѣлился съ

(1) Щекатовъ и Миллеръ въ своихъ словаряхъ, и Зябловскій въ Географіи Россійской Имперіи полагаютъ основаніе сихъ городовъ: Сумъ въ 1653 году, Ахтырки 1641, Харькова 1650, Изюма 1681 а Острогожска въ 1652.

Гетманомъ, — претерпѣвая голодъ и жажду, соглашался выдать Цюцюру съ Козаками Татарамъ, возвратить Полякамъ Кіевъ и на другія условія. Цюцюра, узнавъ сіе, пробился, хотя и не безъ потери, сквозь Татаръ; Шереметьевъ же не получая и послѣ того помощи отъ находившагося въ Кіевѣ Князя Барятинскаго, сдался со всѣмъ корпусомъ въ плѣнъ.

Ободренные сими успѣхами Поляки, овладѣли частію Малороссіи кромѣ полковъ Переяславскаго, Нѣжинскаго и Черниговскаго, защищаемыхъ храбрымъ Наказнымъ Гетманомъ Якимомъ Самкомъ. Онъ отразилъ всѣ нападенія Гуляницкаго и Поляковъ и успѣлъ, по совершенномъ очищеніи Украйны (1661), возвратить ее подъ власть Царя. — Хмѣльницкій съ приверженцами своими, также съ Поляками и Татарами, не успѣвъ приосадѣ Переяслава, зимовалъ въ Нѣжинѣ; Татары же разоряли окрестности Стародуба, Мглина и даже Великороссійскихъ городовъ; но оставленные Хмѣльницкимъ и Ханомъ въ Кириловѣ войска истребле-

ны были Княземъ Ромодановскимъ и Самкомъ (1662 въ Генварѣ).

Послѣ чего Козаки, собравшись въ Козельцѣ, избрали Гетманомъ Самка. Достоинства сего искали также и другіе, особенно Полковникъ Нѣжинскій Васюта,— который оклеветалъ Самка при Дворѣ, употребивъ къ тому Епископа Меѳодія,— и Иванъ Брюховецкій, преданный Хмѣльницкому и поддерживаемый Запорожцами.

Юрій Хмѣльницкій осадилъ съ 20000 Самка въ Переяславѣ; но услышавъ приближеніе Князя Ромодановскаго, отступилъ къ Каневу; однако еще на сей сторонѣ Днѣпра 18 Іюля войска его Самкомъ и Ромодановскимъ были разбиты и въ Днѣпръ вогнаны, а самъ онъ съ трудомъ спасся въ городъ Черкасы.

Самко, оставивъ въ Каневѣ Полковника Лизогуба, отправился за Днѣпръ; а посланному въ то же время отъ Ромодановскаго Стольнику Приклонскому сдались Черкасы. Сей оставя тамъ Полковника Гамалѣя, пошелъ внизъ по Днѣпру до Бужина, куда слѣдовалъ и Ромодановскій по другой сторонѣ рѣки; но Приклонскій, тѣснимый

возвратившимся съ новыми Татарскими силами Хмѣльницкимъ, переправясь подъ прикрытіемъ артиллеріи Ромодановскаго, соединился съ симъ послѣднимъ; они принудили Хмѣльницкаго отступить къ Лубнамъ. Доведенный сими неудачами до отчаянія Хмѣльницкій отрекся отъ Гетманскаго достоинства въ пользу Тетери, и постригся въ монахи. — (*)

М. Грибовскій.

(Продолженіе впредь).

Главное правило подражательной гармоніи слова.

Въ подражательной гармоніи каждое слово должно имѣть два значенія: а) *означать свой предметъ*; b) *быть частію выводимой черты, кромѣ тѣхъ словъ, кои сами по себѣ звукоподражательны.*

Объяснимъ это примѣромъ; вотъ

(*) Монашество Юрія Хмѣльницкаго требуетъ доисповѣрнѣйшихъ доказательствъ: въ какомъ монастырѣ онъ постригся? — При томъ же есть рукописи (по коимъ составлена статья о Малой Россіи), въ которыхъ имянно сказано, что Юрій Хмѣльницкій кончилъ жизнь въ Семибашенномъ Замкѣ. Прим. Издат.

Виргилiемъ описанная Вулканова кузница:

Ac veluti lentis Cyclopes fulmina massis
Cum properant, alii taurinis follibus auras
Accipiunt, reddunt que: alii stridentia tingunt
Aera lacu; gemit impositis incudibus Aetna.
Illi inter sese magna vi brachia tollunt
In numerum, versant que tenaci forcipe ferrum.

Въ первомъ стихѣ изображается *вытягиваніе* желѣза. Оно предполагаетъ относительную *мягкость* (ковкость) и *тягучесть*, имѣющую сходство съ *текучестію*; по чему здѣсь вы находите нужное количество главныхъ характеристикъ: твердости и плотности (*t*, *c*), мягкости (*m*, *v*), средняго состоянiя (*n*), и наконецъ жидкости (*l*). Такъ *veluti* поддерживаетъ дѣйствiе слѣдующихъ за нимъ, не означая само по себѣ никакого предмета; по той же причинѣ сочинитель предпочтительно употребилъ прилагательное *lentis*. Самое *Cyclopes*, означая извѣстныхъ по Миѳологiи уродовъ, не менѣе содѣйствуетъ къ выведенiю черты; тутъ *Cyclopes* (произносите, какъ угодно: *циклопесъ*, или *киклопесъ*) тянутся вмѣстѣ съ *veluti* и *lentis*. *Cum properant*, имѣя *внѣшнее* значенiе *худлкости*, могло бы разтроить верх-

нюю черту; почему оно отнесено Виргилïемъ въ другой стихъ и составляетъ переходъ къ выраженïю дѣйствïя раздувальныхъ мѣховъ, которое начинается съ *follibus*, слова очень хорошо выражающаго свой предметъ и поставленнаго въ приличномъ падежѣ. Вдыханïе мѣхами воздуха начинается съ *auras*, оно усиливается въ слѣдующемъ *acci*, гдѣ особенно дѣйствуетъ сухая гортанная *c*, *piunt* наполняетъ промежутокъ между вдыханïемъ и выдыханïемъ, подражательно выражаемымъ въ *reddunque*. Теперь съ *alii* начинается новая черта; въ *stridentia tingunt* выражается шипѣнïе металла заспужаемаго въ водѣ; сïе шипѣнïе, отъ сильнаго жара, въ *aera lacu* превращается въ совершенное клокотанïе (произносите слитно оба слова: *aeralacu*). Стонъ Этны отъ молотовыхъ ударовъ начинается въ самомъ словѣ *gemit*, усиливается въ *im|po||sitis* составляетъ промежутокъ между прежнимъ ударомъ и *in|cu||dibus* также есть промежутокъ, но несравненно большïй, между симъ ударомъ и послѣднимъ отдающимся въ *Aetna*. Послѣднïя два стиха относятся къ кузне-

цамъ; они изображаютъ два различныя движенія: первый составленъ изъ спондеевъ, которые, оставляя мѣсто необходимому только для размѣра дактилю, даютъ чувствовать усилія Циклоповъ поднимающихъ молоты; второй, представляя соотвѣтственное подняттю и опусканію возвращеніе дактиля и спондея, удивительно выражаетъ, въ совокупности съ остальными, ловкое поворачиваніе щипцовъ, также попеременное подниманье и опусканье молотовъ, кои поднимаются и падаютъ въ тактъ.

Можетъ быть я заблуждаюсь, и по словамъ одного безпристрастнаго друга, можетъ быть „нахожу доказательства моихъ положеній тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ„; но, признаюсь, не могу противишься увлекающей меня прелести Виргилїевыхъ стиховъ. Естьли я въ самомъ дѣлѣ обманываюсь; то все еще столько люблю Виргилія, что не хочу вывести себя изъ сего приятнаго обмана.

Гонорскій.

Воспоминанія о Новгородѣ-Сѣверскомъ, посвященныя тамошнимъ друзьямъ и Харьковскимъ А. Ив. К—му, Ив. Ив. Б—му.

O fortunatos nimium, ...
. . . . . quibus . . . . . .
. . . secura quies et nescia fallere vita . . .
Non absunt *V. G. l.* II v. 458, *ff.*
Fortunatus et ille, Deos qui novit agrestes . . .
Georg. lib. II ver. 493

Приятны и скоротечны дни, проведенные нами въ нѣдрахъ дружества; но еще сладостнѣе тѣ, которые мы провели въ объятіяхъ родства! . . . . Щастливъ, кто путешествовалъ для образованія сердца и ума; но стократно щастливѣе тотъ, кто никогда не разставался съ тобою священный — родительскій кровь! Какъ тяжко странничество, при недостаткѣ и по неволѣ, между разноязычными народами! Какъ горестно сиротство въ старости, въ удаленіи отъ отечественной стра-

ны, гдѣ мы покоились въ колыбели и гдѣ надѣялись покоиться — въ одной могилѣ съ любезными сердцу! Какъ трогательна и восхитительна картина невинныхъ игръ и забавъ юности! Кто съ душевнымъ восторгомъ не воспоминаетъ о сихъ дняхъ радости и щастія? Для кого не дорого и не безцѣнно сіе время истинно-златаго вѣка человѣческой жизни? Нѣжныя и прямо блаженныя воспоминанія! никакое щастіе съ вами сравниться не можетъ въ сладости и сердечномъ умиленіи. . . . Старикъ, для котораго свѣтъ уже ничто и природа мертва, оживляется и проливаетъ сладкія слезы при воспоминаніи о ласкахъ матери! Небесныя воспоминанія! Такъ, вы заслуживаете сіе имя, чисты будучи и невинны. . . . Вы одни усыпаете и украшаете цвѣтами тернистый путь, ведущій дрожащаго и всѣми оставленнаго старца ко гробу, — въ желанный лучшій міръ, — гдѣ онъ надѣется вновь свидѣться съ первыми предмѣтами его любви, дружбы, благодарности и привязанности, — увидѣться съ тѣми, кои приязнію своею облегчали бремя сиротскаго со-

стоянія его, въ продолженіи долговремяннаго странствованія по трудной стезѣ жизни на чужой сторонѣ! . . .

Новгородъ-Сѣверскъ имѣетъ мѣстоположеніе прелестное и достойное кисти искуснаго живописца, пламенныхъ восторговъ юнаго піита — способнаго чувствовать красоту природы. Не бывъ ни тѣмъ, ни другимъ, — я довольствуюсь нѣсколькими слабыми чертами; увѣренъ будучи, — что читатели, меня знающіе извинятъ мои недостатки: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. . . и какъ тому быть иначе? Хладная рука старости уже начала пестрить чело мое морщинами, и серебрить остатки волосъ на головѣ моей; слабыя искры прежняго огня едва лишь тлѣютъ въ охладѣвающемъ сердцѣ. Но какая въ томъ нужда? строки мои посвящаются снисходительному дружеству и благодарности; — а сіи чувства переживаютъ въ насъ всѣ прочія, — и искренность замѣняетъ недостатокъ краснорѣчія. Друзья, для коихъ я пишу, воззрятъ благосклонно на сію малую жертву и простота моихъ выраженій понравится имъ

болѣе, нежели всѣ цвѣтки расточаемые притворствомъ, лестью и хвастовствомъ. Я не сообщу читателямъ полнаго описанія Н. Сѣверска: сей трудъ принадлежитъ другимъ, а не мнѣ. Я даже не упомяну о времени построенія сего города, ниже о Сѣверскомъ Княженіи — игравшемъ весьма неважную ролю въ Россійской Исторіи. Сколько такихъ, кои знаютъ всѣ сіи подробности, лучше меня ... и я щажу терпѣніе читателей, которыхъ бы утомило мое невѣденіе о народѣ, среди котораго я жилъ. При томъ же для сего надобно было бы рыться въ Н. Сѣверскихъ архивахъ, коихъ по видимому тамъ нѣтъ, — или прибѣгнуть къ толстымъ книгамъ, до которыхъ я уже неохотникъ — по причинѣ старости. И почему знать, получилъ ли бы я пользу отъ сего труда для себя и для читателей? Я читалъ сочиненія преученыхъ мужей прошедшихъ вѣковъ о древнихъ народахъ, диссертаціи о уборныхъ столикахъ Гречанокъ, Римлянокъ и проч. Но къ чему послужило мнѣ это безполезное чтеніе? Ученые часто уподобляются раз-

нощикамъ, знающимъ въ большихъ городахъ всѣ домы; но невѣдающимъ того, что въ нихъ происходитъ; — или великой части людей, занимающихся болѣе дѣлами сосѣдовъ, нежели собственными своими. Я долго былъ и гордился быть — Аѳинскимъ и Римскимъ гражданиномъ; зналъ наизусть имена всѣхъ памятниковъ и всѣхъ отдѣленій сихъ уже давно не существующихъ городовъ; но я, къ стыду, не знаю и теперь именъ улицъ отечественнаго города,—произведеній, коими милосердое и благое Провидѣніе надѣлило ту прекрасную землю, гдѣ я родился. Какая нужда знать, что стоилъ распущенный Царицею Клеопатрою въ уксусѣ жемчугъ, и ею проглоченный за ужиномъ? Не лучше ли было бы, когда бы разумный наставникъ къ сему примѣру неслыханной роскоши и безумнаго мотовства, прибавилъ сіе краткое нравоученіе: она пила потъ, слезы и кровь управляемыхъ и покоренныхъ ею народовъ? . . . Почему знать не подѣйствовалоли бы такое нравоученіе надъ какимъ нибудь кровопійцею, завоевателемъ, или опустошителемъ вселенной? И кто вели-

кодушнѣе и умнѣе, — тѣ ли, кои превозносили тогда похвалами безумное дѣло Египетской Царицы, — или Греческой Ораторъ, имѣвшій тогда благородную смѣлость сказать грозному Марку Антонію — требовавшему скорой уплаты контрибуціи, наложенной на Грековъ: „— естьли ты получилъ требуемое, — то требуй отчета отъ своихъ сборщиковъ; естьлижъ еще не получилъ, — то мы погибли.„ Каждой вѣкъ имѣетъ свойственный ему духъ отъ различнаго направленія умовъ; и часто мнимое приращеніе просвѣщенія состоитъ въ томъ, что послѣдующій вѣкъ смѣется надъ предшествовавшимъ ему. Преемники подвергнутся, можетъ быть, такому же жребію, какову подверглись предшественники; неблагодарные ученики посмѣются надъ учителями: *но сила истины непобѣдима*!

Нѣтъ въ Н. Сѣверскѣ развалинъ, свидѣтельствующихъ о прежнемъ величіи сего города; нѣтъ ни какихъ преданій! — Желаніе узнать мѣсто, гдѣ построенъ былъ Княжескій дворецъ, осталося тщетнымъ. Но есть слѣды, по которымъ

узнать можно, что Поляки владѣли этою страною. Село Домитрковка вѣрно получило имя отъ бывшаго тамъ нѣкогда Доминиканскаго монастыря, и оставшіяся въ языкѣ Н. С-кихъ жителей Польскія слова еще яснѣе о томъ свидѣтельствуютъ. Все проходитъ и гибнетъ; одна мысль человѣческая торжествуетъ надъ дѣйствіемъ времени все — истребляющаго. Въ Н. С-кѣ есть почтенныя развалины, — остатки дома, гдѣ нѣкогда жилъ безсмертный Петръ I, и откуда онъ наблюдалъ за движеніями Шведской арміи.

Но теперь у меня такой приливъ воспоминаній и чувствъ, что я не знаю съ чего начать и похожу на питомца Музъ, который по окончаніи учебнаго курса — вступая въ свѣтъ, приходитъ въ замѣшательство отъ множества поверхностныхъ понятій, кои затрудняютъ ему выборъ и снисканіе основательныхъ познаній нужныхъ для настоящаго его званія. Онъ мнитъ быть просвѣщеннымъ и мудрымъ, когда повторяетъ только выученое. Для избѣжанія сего неудобства я приведу изъ воспоминаній тѣ, кои прямо

относятся къ сердцу; оставлю другіе, въ коихъ участвовали эгоизмъ, лесть, двуличіе, обманъ, гордость и тщеславіе. Руководствуясь симъ правиломъ — я всегда такъ дѣлаю: прохаживаясь по садамъ, иду мимо разпещренныхъ тюльпановъ, пушистыхъ піоновъ, разноцвѣтныхъ гвоздикъ, — бѣгу отъ оранжерейныхъ цвѣтовъ и отъ горной клиніи, обращающей на всѣхъ лицо пожелтѣвшее отъ досады и зависти — я страстный охотникъ до цвѣтовъ; — но всѣмъ предпочитаю розу, за ея вѣчное благовоніе, — скромную и душистую фіалку, скрывающуюся подъ терновымъ кустомъ, или въ густой травѣ при корнѣ гордыхъ деревъ часто разбиваемыхъ громомъ, — ландышъ, отъ коего благоухаютъ тѣнистыя лѣса, куда не приходятъ щеголи, — лиловникъ, въ густотѣ коего вьетъ себѣ гнѣздо и приятно поетъ кроткая малиновка, — козій листъ, украшающій и бальзамирующій садовыя бесѣдки въ моемъ любезномъ Отечествѣ . . . . . и я не завидую никому,—когда, сидя на дерновомъ канапе, при торжественномъ безмолвіи

ночи, — или въ лѣсу, или на горѣ при пробужденіи природы отъ утренняго сна весною, въ забвеніи свѣта и почти самаго себя, внимаю согласному и трогательному пѣнію соловья — любимаго всѣми, не смотря на безчисленныя степени различія между людьми.

Прочитавши это, — иной улыбнется злобно отъ негодованія и спроситъ съ досадою: гдѣжъ воспоминанія о Н. С — скѣ? Какой некорыстной старичишка — этотъ В . . вздумавшій забавлять читателей бреднями! Право, въ немъ ни на волосъ нѣтъ толку! . . . . На сіе отвѣчаю просто: — извлекая воспоминанія изъ памяти, я вѣдь не капусту сажаю по прямой линіи; это не хронологическій списокъ обѣдовъ, баловъ и театральныхъ зрѣлищъ . . . мысли приходятъ, когда онѣ хотятъ и какъ хотятъ. Я подобенъ козаку или гусарю, который въ разсыпной атакѣ, быстро и неожиданно нанесши удары — возвращается къ своимъ то съ неудачею, то съ добычею. Во всемъ нужно терпѣніе . . . . старики околичными путями — достигаютъ цѣли; а изъ

уваженія къ старости, надобно снисходить плодовитости простительной послѣднимъ чувствованіямъ сердца. . .

Читатель вмѣстѣ со мною проѣдетъ заштатный городъ Золочевъ: немолодая, некрасивая и небогатая вдова, или дѣвушка мало имѣютъ ласкателей и панегиристовъ . . . и потому пусть онъ на быстрыхъ крыльяхъ воображенія прямо перенесется къ малому жилищу незабвеннаго покойнаго А. А. Палицына. Съ большой дороги глаза мои искали въ синѣющей дали мирную и живописную Поповку, и скоро ее нашли; это узналъ я по сильному біенью сердца. Въ Поповкѣ жилъ и умеръ истинный мудрецъ и любезный человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою наукамъ для собственнаго утѣшенія и для пользы другихъ. Память его не имѣетъ нужды въ сихъ скоро увядающихъ цвѣткахъ, которыми краснорѣчіе иногда столь охотно и столь щедро украшаетъ могилу усопшаго. Но странно,—что Музы, коихъ онъ былъ любимцемъ, не плакали надъ его могилою; и что стихотворцы, описавшіе столь пространно битвы, ужа-

сныя поля сраженій орошенныя кровью и слезами побѣдоносцевъ и поб жденныхъ, громкую славу увѣнчанныхъ героевъ, — не посвятили слезы сожалѣнія и скорьби почтенному праху сего ученаго мужа: Музамъ въ особенности предоставлено завидное преимущество прославлять скромную добродѣтель и таящееся дарованіе. Но и ученые не чужды честолюбія; они думаютъ, что ихъ труды сдѣлаютъ ихъ участниками славы тѣхъ, коихъ они прославляютъ и что имена ихъ такимъ способомъ дойдутъ до позднѣйшаго потомства. .... Я не забуду никогда Палицына — люблю его еще больше съ того времени, какъ его нестало; сердечныя утраты ни чѣмъ не могутъ быть замѣняемы!

Я погрузился въ размышленіе о коловратности человѣческой участи; сладкая меланхолія заступила мѣсто прежняго упоенія и въ семъ расположеніи духа я очутился въ Сумахъ, городѣ славящемся ярмонками, — кои описывать предоставляю купцамъ; всякому свое. — Сумской уѣздъ имѣетъ множество живопи-

ныхъ мѣстъ. Но и сіи красоты природы приличнѣе описывать тамошнимъ помѣщикамъ, охотникамъ писать. *Гдѣ ваше сокровище, тамъ и сердце ваше;* а у меня въ Сумахъ, какъ и вездѣ, нѣтъ ничего, кромѣ воспоминаній.

Есть народы безъ характера, для коихъ не нуженъ историкъ, — лица безъ выразительности, для которыхъ безполезно искуство живописца; есть и мѣста безъ всякихъ красотъ и картинъ, плѣняющихъ глаза и воображеніе. Страна отъ Сумъ до Глухова, по причинѣ однообразія, наводитъ на путешественника скуку, уныніе и наконецъ дремоту. Я остановлюсь нѣсколько въ Глуховѣ, — гдѣ прежде прожилъ два года, тоскуя по отечествѣ и принаравливаясь къ новому образу жизни. Но въ молодости легко отвыкать и привыкать; забавы, веселье, пріятность новыхъ связей — скоро прогоняютъ уныніе. Молодость, склонная ко всякому роду разсѣянности и удовольствія, — очень легко обходится безъ постояннаго щастія, котораго жаждетъ зрѣлый возрастъ. Молодость

не имѣетъ нужды въ обдуманныхъ планахъ, чтобъ наслаждаться жизнію. Она, какъ лицо юной красавицы, нравится намъ безъ всякихъ прикрасъ. Яркое сіяніе солнца въ глубокой осени не такъ веселитъ насъ, какъ пріятная его улыбка весною — даже и сквозь покрывало волнистаго тумана.

Мы примѣчаемъ быстрое теченіе времени только при вторичномъ видѣ предмѣтовъ послѣ продолжительнаго отсутствія; а живя всегда на одномъ мѣстѣ, непримѣтно старѣемся съ ними и думаемъ что не измѣняемся; — отдаленность выводитъ насъ изъ сего пріятнаго заблужденія, показывая намъ при возвращеніи — слѣды опустошенія времени и быстроту, съ которою течетъ рѣка жизни. Нѣтъ уже въ Глуховѣ и знаковъ двухъ - этажнаго зданія Малороссійской Коллегіи, нѣтъ слѣдовъ дворца послѣдняго Гетмана — и многихъ другихъ домовъ! А о томъ смиренномъ жилищѣ, гдѣ я жилъ, и говорить нѣчего. Изъ знакомыхъ моихъ иные умерли, — другіе разсѣялись по свѣ-

шу и память многихъ уже истребилась. Но память добродѣтельнаго пребудетъ вѣчно въ сердцахъ имъ одолженныхъ: въ Глуховѣ кончилъ жизнь свою Павелъ Федоровичь Паульсонъ, Медикъ-Философъ и Христіянинъ. Въ объятіяхъ благонравнаго семейства онъ наслаждался до самой глубокой старости здоровьемъ и пользовался уваженіемъ, — которое заслуживаютъ честность, добродѣтель, искуство, человѣколюбіе и неутомимое попеченіе о страждущихъ и нещастныхъ. Его домъ уподоблялся храму благонравія и благочестія. — Дочери послѣ него оставшіяся должны наслѣдовать примѣрную жизнь ихъ матери, быть почтенными супругами и въ свою очередь добрыми матерями. Миръ праху добродѣтельнаго! миръ и сей гробницѣ покрывающей Генералъ-Поручика Карла Ивановича Кульбарса, истиннаго образца кротости, добродушія и рѣдкихъ качествъ сердца! Простите всѣ мои знакомые! Почивайте мирно въ обители смерти! — Я сѣлъ въ кибитку и продолжалъ размышлять о коловратности жизни. . . Какъ все измѣняется и гибнетъ!

я самъ не похожъ на того, какимъ здѣсь былъ 30 лѣтъ тому назадъ; тогда я не думалъ о перемѣнахъ жизни, ни о морщинахъ старости! На землѣ нѣтъ ничего постояннаго . . . . Самая щастливѣйшая жизнь есть безпрерывная перемѣна радости и печали, страха и надежды. Наконецъ судьба посредствомъ времени и старости отнимаетъ у насъ радости жизни, какъ осенный вѣтръ дуновенїемъ своимъ срываетъ съ деревъ поблекшїя листья. На краю гроба — бѣдность и богатство равняются: надежда улыбается тамъ бѣдняку и богачу; естьли только добродѣтель и непорочная нравственность основанная на религїи — вели ихъ къ временному и вѣчному щастїю! Горе тому, кто при концѣ жизни смотритъ на превратности свѣта съ такимъ расположенїемъ духа, какъ вѣтреница взираетъ на уменьшенїе прелестей, привлекавшихъ къ ней толпу ласкателей и обожателей стольже вѣтреныхъ! — При такомъ размышленїи кибитка моя остановилась въ Н. С-кѣ, о коемъ я теперь лишъ

только говорить стану — и безъ всякаго отступленія (*). *Иванъ Вернетъ.*

(Продолженіе впредь).

(*) Изъявляя благодарность прославшему къ намъ сіе сочиненіе И. Ф. Вернету, — мы желали бы больше познакомить читателей нашего Вѣстника съ симъ оригинальнымъ человѣкомъ. Онъ сынъ той блаженной страны, которую всѣ путешественники хотятъ видѣть, всѣ прославляютъ щастливую тамъ и въ красотахъ — и въ ужасахъ природу, — которую возпоминаютъ вездѣ читая Лафатера, Галлера, Геснера, Боннета, — которую отличаетъ предъ всѣми страстная приверженность къ ней сыновъ ея — Вернетъ есть Швейцарецъ. Онъ сохранилъ въ себѣ свойство націи не смотря на то, что болѣе пятидати лѣтъ уже находится въ Россіи. Надобно сказать и то, что рѣдкіе въ первой разъ видя почитаютъ его иностранцемъ; даже языкъ Руской, что бы ни писалъ онъ на немъ, не портится а еще украшается подъ его перомъ. Жизнь его достопамятна для приверженныхъ ко славѣ Россіи: онъ былъ нѣкогда любимцемъ безсмертнаго Суворова; знаетъ много анекдотовъ о семъ славномъ человѣкѣ, которые еще не извѣстны свѣту; и естьли бы разсудилъ онъ написавъ доставить ихъ въ Украинскій Вѣстникъ; — то Издатели съ такимъ же удовольствіемъ приняли бы какъ и сей подарокъ сему Журналу.

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Лебедь.

(*Изъ Бюффона*).

Во всякомъ обществѣ, какъ у животныхъ такъ и у людей, — насиліе производитъ тирановъ, а кроткая властъ дѣлаетъ Царей. Левъ и тигръ на землѣ,

---

Кромѣ того онъ путешествовалъ по многимъ странамъ пространной Россіи — и путешествовалъ, какъ человѣкъ примѣчающій. — Характеръ его отличается правотою въ мысляхъ и поступкахъ, любезностію въ обращеніи съ знакомыми. Ни кто, кажется, не можетъ уличить его въ лести и притворствѣ. Онъ никогда не бранитъ иностранцевъ предъ Русскими, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе изъ чужихъ странъ выходцы; — любя душевно новую свою отчизну, небоится обнаруживать приверженность къ старой.

Что касается до воспоминанія о Н. С—кѣ; то конечно видна въ немъ вольность автора Тристама-Шанди; но за то есть также мѣста — истинно выражающія и автора Іорика. А замѣчаніе имъ самымъ на это сдѣланное — оправдывается тѣмъ, что не всегда намъ нравится и даже пользу приноситъ одно только то, что выведено съ Математическою точностію по правиламъ Логики.

орелъ и коршунъ въ воздухѣ — царствуютъ только войною, — владычествуютъ злоупотребленіемъ силы и жестокостію. Лебедь царствуетъ на водахъ и власть его утверждается тѣми правами, кои составляютъ царство тишины — важностію, величіемъ, кротостію, могуществомъ, силою, — смѣлостію и желаніемъ употреблять ее не во зло, а только для защищенія; онъ умѣетъ сражаться и побѣждать, никогда не нападая. Сей мирный царь водныхъ птицъ отваживается противъ воздушныхъ тирановъ: онъ ожидаетъ орла, не вызывая и не боясь его; отражаетъ нападеніе, противупоставляя оружію его упругость своихъ перьевъ и быстрые удары сильнаго крыла служащаго ему эгидомъ, — и часто побѣда вѣнчаетъ его усилія. — Но орелъ только одинъ его и непріятель: впрочемъ всѣ хищные птицы не смѣютъ его тронуть и онъ въ мирѣ со всею природою; — онъ больше другъ, нежели царь между многочисленными станицами водныхъ птицъ, кои сами кажется хотятъ быть подъ его законами; онъ только предводитель и первый оби-

тель мирной республики, гдѣ граждане не имѣютъ причины бояться властителя,— который требуетъ отъ нихъ того только, что должно и желаетъ единственно тишины и свободы. —

Пріятный видъ, изящество сложенія соотвѣтствуютъ въ лебедѣ природной его кротости: взоры всѣхъ имъ любуются, онъ украшаетъ собою всѣ мѣста имъ посѣщаемыя; всѣ любятъ его, всѣ хвалятъ, всѣ удивляются ему — и никакая изъ птицъ столько того не заслуживаетъ. Въ самомъ дѣлѣ ни на одну изъ нихъ природа не излила толико благородныхъ и тихихъ прелестей, приводящихъ намъ на мысль ея прекраснѣйшія произведенія; величественный станъ, совершенное округленіе, прелестная обрисовка, чистая лоснящаяся бѣлизна, — легкое и живое движеніе, положеніе то съ выразительностію, то съ нѣжною небрежностію: — словомъ все въ лебедѣ дышетъ удовольствіемъ, очарованіемъ — дѣйствіемъ прелести и красоты, — все въ немъ показываетъ, все живописуетъ птицу любви; все оправдываетъ замысло-

ватую и веселую Миѳологїю, что по ея вымыслу сїя прекрасная птица, дала бытїе первой красавицѣ въ свѣтѣ.

Смотря на его благородную ловкость, легкость и вольность въ движенїяхъ по водѣ, — невольно признаешъ въ немъ не только перваго изъ крылатыхъ плавателей,—но и самый лучшїй образецъ, которымъ природа хотѣла научить насъ искуству мореплаванїя. Его поднятая шея, грудь высокая и округленная — изображаютъ точно корабельный носъ, разсѣкающїй волны; широкой желудокъ его представляетъ дно корабля; его станъ нѣсколько наклоненный въ передъ для скорости въ плаванїи выпрямляется назади и возвышается на подобїе кормы; хвостъ его есть настоящее кормило; его ноги суть широкїя веслы, — большїя крылья полуразширенныя отъ вѣтра и тихо надуваемыя — составляютъ парусы, коими движется живой корабль или корабль и кормчїй вмѣстѣ.

Гордясь своимъ благородствомъ и пленяясь красотою лебедь, кажется, лю-

бить и не скрывать всѣхъ своихъ преимуществъ; онъ какъ будто ищетъ себѣ похвалъ, хочетъ плѣнить взоры и точно ихъ плѣняетъ, когда плыветъ въ стадѣ ли наподобіе окрыленнаго флота и виденъ бываетъ въ дали большаго озера, или, отдѣлясь, приближается къ берегу по знакамъ его призывающимъ и приближается для того, чтобы ему удивлялись, — тысячу разъ оборачивается, чтобъ показать красоты свои и прелести, кружится пріятно и плавно.

Съ преимуществами природы лебедь соединяетъ еще и свободу; онъ не изъ числа тѣхъ невольниковъ, которыхъ мы можемъ принудить къ чему нибудь, или заключить; онъ свободенъ на нашихъ водахъ, утверждаетъ тамъ свое пребываніе и неиначе живетъ, какъ наслаждаясь совершенной независимостію; онъ незнакомъ съ чувствами рабства и плѣна, — по своей волѣ прогуливается, пристаетъ къ краю, удаляется на средину, плывя вдоль береговъ защищается отъ непогодъ, прячется въ тростникъ, заплываетъ въ самые дальные заливы, — и по-

томъ, оставляя свое уединенїе, возвращается къ мѣстамъ обитаемымъ и наслаждается удовольствїемъ для него по видимому очень приятнымъ — приближаться къ человѣку; ибо въ нась онь обрѣтаетъ гостепрїимныхъ друзей, а не жестокихъ властелиновъ. — У нашихъ предковъ, слишкомъ простыхъ или очень хорошо знавшихъ, — что значитъ наполнять свои сады холодными красотами искуства, вмѣсто живыхъ красотъ природы, — предоставлено было лебедямъ полное право составлять украшенїе всѣхъ вмѣстилищъ водныхъ; они поселяли веселье во мрачныхъ рвахъ замковъ, они украшали большую часть рѣкъ и даже рѣку протекающую въ столицѣ, — и мы видѣли, что одинъ изъ нашихъ чувствительнѣйшихъ и любимѣйшихъ Государей полагалъ въ числѣ своихъ удовольствїй — разводить сихъ прекрасныхъ птицъ во всѣхъ прудахъ Королевскихъ дворцевъ.

Съ Франц. *Г. Ш.*

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Розанъ.

Однажды утромъ когда зелень, еще влажная отъ ранней росы, казалось, оживала снова при солнечныхъ лучахъ,— юный Гилась бѣгалъ по лугамъ и рощамъ. Онъ остановился передъ розаномъ, нѣжно раскрывавшимся при лобзаніяхъ Зефира. Вотъ прекрасной цвѣтокъ! вскричалъ Гилась; естьлибъ онъ поболѣе развернулся, я сорвалъ бы его для маминьки. Завтра онъ будетъ во всей красотѣ,— завтра я приду за нимъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ; но увидѣлъ только кустъ, а цвѣтка уже не было. Маминька, воскликнулъ онъ съ горестію,—я слишкомъ промедлилъ сдѣлать тебѣ мое приношеніе!

Однажды щастливый Аристъ открылъ бѣдное семейство, украшавшееся всѣми добродѣтелями; но изнемогавшее въ нищетѣ. Ахъ, какъ я нещастливъ, сказалъ Аристъ; я не такъ еще богатъ, что бы могъ симъ добрымъ людямъ доставить довольство и щастіе! То, что я теперь

могу для нихъ сдѣлать, имъ поможетъ не много. — Какъ скоро я буду щастливѣе, то и они будутъ щастливы вмѣстѣ со мною. Онъ сдержалъ слово: сдѣлавшись богаче, пришелъ опять; но бѣдное семейство изчезло съ лица земли. Ахъ, нещастный, вскричалъ онъ; я сдѣлался благодѣтельнымъ слишкомъ поздно!

Не отлагай никогда до завтра того добра, которое ты можешь сдѣлать нынѣ. Для добродѣтели и щастія Богъ даетъ намъ только настоящую минуту; ею воспользоваться состоитъ въ нашей волѣ! — *Съ франц.*

Ревность къ наукамъ.

(Изъ Дагессо).

Не щитать за ничто упражненій дѣтства и начать истинныя занятія тогда, когда мы ихъ обыкновенно оканчиваемъ; смотрѣть на молодость не такъ, какъ на возрастъ опредѣленный природою для утѣхъ и покоя,— но какъ на время назначенное для трудовъ и размышленій; не рачить о богатствѣ, щастіи, даже о самомъ здоровьи

и все то, чѣмъ люди наиболѣе дорожатъ, принести—какъ достойную жертву—любви къ наукамъ и ревности къ просвѣщенію; сдѣлаться невидимымъ на нѣкоторое время,—заключить самаго себя произвольно и заживо погребстися въ глубокомъ уединеніи, что бы тамъ заранѣе приготовить себя — выдерживать всѣ превратности: такъ думали и поступали истинно великіе люди! Не будемъ же удивляться тому, чѣмъ они были; перестанемъ вмѣстѣ дивиться и тому, чѣмъ мы теперь, — видя, какъ мы мало трудимся для приобрѣтенія той славы, которой они достигли!! —

Съ Франц. *Г. Ш.*

Франклинъ.

Франклинъ, увѣнчанный двоякою славою, которую приноситъ геній и великія заслуги оказанныя Отечеству, достигъ восемдесятъ четвертаго года жизни своей. Сограждане исполненные признательности, избрали его Правителемъ Пенсильваніи и убѣдившись въ томъ, что его благоразу-

мїе могло еще принести имъ великую пользу, такъ же включили и въ число законодателей. Онъ былъ награжденъ почестями и имѣнїемъ; впрочемъ простота и умѣренность, съ которыми онъ подружился до своего возвышенїя, остались въ немъ тѣже. Одежда его, ни чѣмъ не отличалась отъ одежды зажиточнаго земледѣльца; его бы нельзя было даже и примѣтить, естьли бы голова покрытая сѣдинами, которыя небрежно падали на плеча, не представляла истиннаго мудреца.

Однажды, видя собравшихся около своего стола отличнѣйшихъ людей въ Государствѣ, Франклинъ улыбался и сравнивалъ щастїе своей старости со щастїемъ молодости.— Господа, сказалъ онъ, я помню— тому лѣтъ пятьдесятъ — какъ одинъ типографскїй ученикъ, сынъ продавца сальныхъ свѣчъ сочинилъ двѣ жалкїя пѣсни и самъ напечаталъ ихъ; потомъ экземпляры, еще мокрые, взялъ подъ мышку и пошелъ продавать по улицамъ города Бостона. Это были настоящїя пѣсни слѣпыхъ; между тѣмъ какъ поэтъ имѣвшїй честь сдѣ-

лать сїи мастерское произведенїе и забавлявшїй съ недѣлю городскую чернь,—есть вашъ покорнѣйшїй слуга Венїаминъ Франклинъ.

Батюшка, сказалъ молодой Франклинъ,—позвольте мнѣ напомнить то, что я слышалъ отъ матушки. Однажды, будучи у воротъ, увидѣла она проходящаго молодаго человѣка лѣтъ шестьнатцати, очень худо одѣтаго, съ большимъ кускомъ хлѣба за пазухой и съ другимъ въ рукѣ, который онъ ѣлъ съ жадностїю. — А! а! помню, прервалъ Франклинъ; это какъ будто вчера и скажу вамъ, господа, что сей лакомка ѣвшїй съ такою охотою кусокъ своего хлѣба, такъ же былъ — я вашъ покорнѣйшїй слуга. Тогда я въ первый разъ оставилъ Бостонъ и очутился въ Филадельфїи. Въ карманѣ было у меня съ долларъ денегъ; и въ этомъ состояло все мое имѣнїе; но за то я любилъ занятїя и былъ воздержанъ; отъ того, какъ вы видите, довольно изрядное составилъ я себѣ щастїе.

Нѣкоторые особы изъ собранїя, знавшїе Франклина только со времени возвы-

шенїя его на первыя степени чести, ободрились простодушїемъ, съ которымъ онъ напоминалъ о своемъ низкомъ происхожденїи и просили его — расказать имъ подробнѣе приключенїя своей жизни.

Господа, сказалъ почтенный старецъ,— благодарю васъ за участїе вами во мнѣ приемлемое. Вся Филадельфїя знаетъ мои приключенїя и я вамъ тотчасъ разкажу ихъ; потому что число ихъ не велико. Не по свѣту бѣгая собралъ я свое маленькое имѣнїе и заслужилъ довѣренность моихъ согражданъ; но будучи всегда у себя, безпрестанно занимаясь и стараясь быть полезнымъ обществу.

Я, какъ вы уже слышали, сынъ продавца сальныхъ свѣчъ и мыла. *Іосія Франклинъ*,—отецъ мой—былъ одинъ изъ тѣхъ откровенныхъ и добродѣтельныхъ людей, которыхъ небо рѣдко посылаетъ на землю. Онъ имѣлъ щастїе видѣть у себя девятьнацать человѣкъ дѣтей — семнатцать сыновъ и двухъ дочерей: я послѣднїй изъ сего многочисленнаго семейства. Помню, что я видалъ у отца своего за столомъ тринатцать человѣкъ дѣтей, кои всѣ

выросли и всѣ поженились. Имъ всѣмъ дали мѣста и всѣ они, слава Богу, были добрые люди. Я, какъ уже имѣлъ честь сказать вамъ, былъ послѣдній. Меня звали Веніаминомъ и въ самомъ дѣлѣ былъ я Веніаминъ для моихъ престарѣлыхъ родителей. Они отдали меня въ училище и хотѣли сдѣлать духовнымъ; но малыя ихъ средства и трудное содержаніе столь многочисленнаго семейства вскорѣ принудили ихъ дать мнѣ другое состояніе. Меня выучили только читать и ариѳметикѣ; я возвратился въ родительскій домъ, гдѣ дѣлалъ свѣчи и мыло. Тогда мнѣ было десять лѣтъ. Ремесло въ которомъ заставили меня упражняться, ни чуть не было для меня приятно. Какъ только находилъ я свободную минуту; то и принимался за какую нибудь книгу, прятался въ уголъ и читалъ ее на свободѣ. Вкусъ ко чтенію рѣшилъ мою участь: родители мои думали, что состояніе типографщика болѣе всего мнѣ приличено; почему и отдали меня учиться къ одному изъ моихъ братьевъ, содержавшему типографію. Я ночью читалъ тѣ книги,

которыя печатались днемъ; и такимъ образомъ, на щетъ моего сна, всегда находилъ время удовлетворять своей чрезмѣрной страсти къ чтенію. Въ бытность мою у брата сочинилъ я тѣ прекрасныя пѣсни, о которыхъ я вамъ сказывалъ. Къ щастію отецъ мой далъ мнѣ почувствовать, что стихи мои были самые жалкіе; онъ прибавилъ также, что стихотворческое ремесло ни мало не прибыточно для того, кто имъ занимается; я, къ щастію моему, послушался его и ограничился одною прозою.

Непріятности, которыя потерпѣлъ я у брата, принудили меня искать щастія въ другомъ мѣстѣ. Я тогда уже довольно хорошо зналъ свое ремесло и работою могъ жить вездѣ;— а потому и оставилъ Бостонъ. Кошелекъ мой не очень былъ тугъ; но мнѣ не казалось дивомъ ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду. Я направилъ путь свой къ Филадельфіи, которая въ то время, (что вы сами знаете господа также хорошо какъ и я) не была такъ многолюдна и богата, какъ нынѣ. Сынъ мой сказалъ вамъ уже о моемъ вшествіи въ

сей городъ. Я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ на порогѣ у воротъ дѣвушку, которая въ послѣдствіи сдѣлалась моей женою и ощастливила часть моей жизни. Она тогда очень смѣялась надъ моимъ жалкимъ видомъ; но это не побезпокоило меня: въ бѣдности я былъ веселъ, здоровъ и старался повсюду научаться; а потому и имѣлъ всегда самыя лучшія надежды.

Я нашелъ себѣ дѣло въ Филадельфіи, гдѣ въ то время было не болѣе двухъ худыхъ типографщиковъ. Безъ хвастовства сказать, я зналъ свое ремесло лучше, нежели они. Мнѣ удалось своимъ стараніемъ и хорошимъ поведеніемъ сдѣлать себя извѣстнымъ. Одинъ молодой человѣкъ, желавшій обзавестися, принялъ меня въ товарищи. Въ послѣдствіи я одинъ даже имѣлъ у себя маленькую типографію: это было очень немного; но тому не много и надобно, кто воздержанъ. Дѣла мои шли такъ хорошо, какъ я желалъ. Добрая женщина нужна въ домѣ: я женился на той, которая смѣялась надомною при моемъ прибытіи и которую съ того времени я любилъ. Она не принесла

мнѣ никакого имѣнія; но принесла качества и рачительность хорошей хозяйки. Ея хозяйство и разчетливость привели въ лучшее состояніе мой домъ и привлекли ко мнѣ почтеніе.

Видя средства мои ежедневно умножающимися, я предпринялъ издавать журналъ — названный мною *Пенсильванская газета*, который удался мнѣ сверхъ моего чаянія. Сіи листки подали мнѣ случай прослыть ученымъ человѣкомъ и доставили сношеніе со многими умнѣйшими людьми нашей провинціи. Извѣстность моя доставила мнѣ отпечатку актовъ правленія Пенсильванской провинціи. Я завелъ бумажную лавку и здѣлался однимъ изъ уважаемыхъ купцовъ въ Филадельфіи; это, *если* позволено сказать мнѣ самому, былъ плодъ моей рачительности и безпорочнаго поведенія.

Будучи довольно богатъ для того, чтобы имѣть нѣсколько свободныхъ минутъ въ день, я посвятилъ сіе время просвѣщенію: учился Латинскому и Французскому языкамъ, которыхъ еще не зналъ. Я занялся также изученіемъ Естествен-

ной Исторіи, а особливо Физическими науками. Электричество было для меня такимъ предмѣтомъ, который я особенно изслѣдовалъ. Вы знаете, что я имѣлъ щастіе изобрѣсти *громовой отводъ*. Сія машина, очень простая, безъ сомнѣнія сохранила жизнь большому числу людей и предохранила многія зданія отъ небеснаго огня. Сей одной мысли довольно для вознагражденія всѣхъ трудовъ моей долговремянной жизни! —

Въ 1731 году вздумалось мнѣ составить ученое общество и завести публичную библіотеку, которой еще не было у насъ. Мнѣ хотѣлось соединить ученыхъ людей въ городѣ и разпространить познанія, составляющія щастіе и славу общества. Люди богатѣйшіе и любители наукъ споспѣшествовали моему предпріятію.

Черезъ годъ потомъ началъ я издавать *Алманахъ простачка Ришарда*, который въ послѣдствіи выходилъ ежегодно и успѣхъ коего не былъ для меня накладенъ. Вы знаете, что въ семъ Алманахѣ — опредѣленномъ для разпространенія по всѣмъ

классамъ общества, — я пытался познакомить людей, особливо простой народъ, съ истинными началами, — по коимъ надобно вести себя Я употребилъ форму мнѣній и пословицъ; потому что наставленія такимъ образомъ удобнѣе напечатлѣваются въ памяти (*); — и нѣкоторые изъ моихъ правилъ произвели свое дѣйствіе.

Когда щастіе начинаетъ благопріятствовать намъ; то оно по видимому находитъ удовольствіе въ ежедневномъ умноженіи своихъ благодѣяній. Я предложилъ планъ управленія почтъ въ Америкѣ; правительство, удовлетворенное моими видами, наименовало меня Адъюнк-

(*) Вотъ нѣкоторыя изъ его мнѣній: праздность подобна роскоши, — она потребляетъ больше, нежели трудъ. — Ключь при употребленіи всегда бываетъ ясенъ. — Не надобно терять напрасно времени; поелику это матерія, изъ которой сдѣлана жизнь наша. — Съ трудомъ и терпѣніемъ мышъ перегрызаетъ канатъ. — Безъ одного гвоздя теряется подкова, безъ подковы пропадаетъ лошадь, безъ лошади погибаетъ самъ всадникъ; потому что непріятель можетъ догнать и убить его. — Кто покупаетъ излишнее, тотъ скоро продастъ и нужное.

томъ главнаго правленія почтъ. Спустя нѣсколько времени народъ выбралъ меня въ члены народнаго собранія провинціи. Наконецъ, когда всѣ наши области захотѣли свергнуть съ себя иго Агличанъ и сдѣлаться независимыми, — я былъ удостоенъ порученіемъ самымъ трудным и въ тоже время самымъ почтеннымъ: меня отправили посломъ во Францію, съ титломъ полномочнаго Министра,— что бы преклонить дворъ сего Государства соединиться съ Американцами противъ Агличанъ. Я имѣлъ щастіе успѣть; Французы сдѣлались нашими друзьями и послали къ намъ войска. Я пробылъ девять лѣтъ сряду во Франціи. Подписавши мирный трактатъ Сентября 3 дня 1783 года и доставивши нашему Отечеству союзными трактатами съ Пруссіею и Швеціею новыя торговыя сношенія — я возвратился сюда. Вшествіе ваше въ городъ, прервалъ молодой Франклинъ, было на сей разъ весьма отлично отъ того, которое вы имѣли столько лѣтъ тому назадъ съ вашимъ кускомъ хлѣба на три копейки. Едва только показался корабль передъ

пристанью, какъ множество гражданъ стеклось на берегъ съ радостными криками; каждый спѣшилъ отдать вамъ честь, когда вы сходили съ корабля; и всѣ провожали васъ до самаго дома, между тѣмъ какъ пушки и колокола возвѣщали прибытіе ваше селеніямъ. Всѣ жители наперерывъ изъявляли вамъ свое уваженіе и почтеніе. Конгресъ, Университетъ и многія другія общества представили вамъ отзывы, исполненные почтительными для васъ свидѣтельствами. Батюшка, съ какимъ удовольствіемъ я наслаждался симъ зрѣлищемъ!

И мнѣ, сынъ мой, сія всенародная радость, сіи всеобщія восклицанія — во всей полнотѣ привели на память то, чѣмъ я содѣйствовалъ щастію моего отечества; посуди, долженъ ли я почитать себя щастливымъ? Благоволеніе моихъ согражданъ простерлось далѣе, нежели какъ я чаялъ: они возвели меня въ достоинство Правителя Пенсильваніи, включили въ число своихъ законодателей; мнѣ остается еще оказать имъ какую нибудь услугу и умереть желая, чтобъ они на всегда были также щастливы.

Сей славный человѣкъ увидѣлъ совершенїе своихъ послѣднихъ желанїй; онъ далъ въ собранїи мудрецовъ свои совѣты, кои произведены были въ дѣйствіе; наконецъ, исполненъ дней и славы, умеръ 17 Апрѣля 1790 года, осьмидесяти четырехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ отъ рожденїя.

Его сограждане изъявили ему и по смерти еще свою признательность. Конгресъ приказалъ на пространствѣ четырнатцати Соединенныхъ Областей носить трауръ по его кончинѣ; а жители Филадельфїи воздвигли ему статую на фронтонѣ публичной библїотеки, имъ основанной.

Исторїя сего мудраго и добродѣтельнаго Американца наставительна для людей всѣхъ классовъ общества. (1)

---

(1) Статья сія составлена по записками о своей жизни самаго Франклина.

Съ Франц. *Гонорскій.*

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Благодареніе Всевышнему даровавшему побѣду на всеобщаго врага.

Къ Тебѣ, Господь! свое моленье
Мы возсылали въ лютыхъ дняхъ;
Тебѣ теперь благодаренье
Приносимъ въ нашихъ торжествахъ!
Ты внялъ тогда нашъ гласъ молебный;
Прими теперь нашъ гласъ побѣдный!
Когда воспомнимъ древни лѣта,
И бытіе протекшихъ дней;
Всегда спасались отъ навѣта
Мы только благостью Твоей,
Ты внялъ тогда нашъ гласъ молебный
Прими теперь нашъ гласъ побѣдный!
Ты, силъ Господь! низвергъ Мамая,
Темиръ-Аксака поразилъ;
Батыя гордость низлагая,
Невѣрныхъ силу низложилъ!
Ты внялъ тогда нашъ гласъ молебный;
Прими теперь нашъ гласъ побѣдный!
Ты Лжедимитріевъ карая,
Отъ всѣхъ крамолъ Россію спасъ:

Сарматски силы расточая,
Отъ хищниковъ избавилъ насъ!
Ты внялъ тогда нашъ гласъ молебный;
Прими теперь нашъ гласъ побѣдный!
Ты въ земледѣльчей кущѣ бѣдной
Россїйскихъ отрасль спасъ Царей!
Ты утвердилъ ихъ тронъ наслѣдной
Въ немолчну славу нашихъ дней!
Царь велїй мира и щедротъ!
Прославь народъ твой въ родъ и родъ!
Ты насъ любя и наказуя,
И днесь на насъ врага послалъ;
Но славу нашу показуя,
Надъ нимъ побѣду даровалъ!
Царь велїй мира и щедротъ!
Прославь народъ твой въ родъ и родъ!
Ты славой вѣчной возпрославилъ
ПОМАЗАННИКА ТВОЕГО;
И миръ межъ царствъ земныхъ возсѣщавилъ
По мановенїю ЕГО!
Царь велїй мира и щедротъ!
Прославь народъ твой въ родъ и родъ!

Въ честь лобѣдоноснаго Россійскаго воинства.

Что за-шумъ въ странѣ полночной
Прерываетъ тишину?
Бонапартъ съ ордою мочной
Вторгся въ Росскую страну. —
Россы! Россы воспряните!
И враговъ своихъ гоните! —
Что за-крики въ царствѣ Бѣломъ,
Что за громы раздались!
Храбры Россы съ духомъ смѣлымъ
На злодѣя поднялись! —
Россы! Россы воспряните!
И злодѣю отомстите!
Что за-шумъ, и что за крики
Слышны съ западныхъ сторонъ?
Россы въ бранях шамъ велики
Все сражаютъ! — слышенъ стонъ!!
Россы! Россы воспряните!
И враговъ своихъ разите!
Пусть стонаетъ врагъ суровый,
Вашей мышцей пораженъ! —
Вамъ за то вѣнки лавровы,
Вамъ вѣнки — отъ всѣхъ племенъ!
Россы! изверговъ разите!
Лавры съ кровью ихъ пожните!

Вы пройдете путь обратно
По спасеннымъ сторонамъ.
Восклицанья тамъ стократно
Повторятся съ дружбой къ Вамъ:
„Россы! въ мирну сѣнь вступите
„Плодъ отъ вашихъ дѣлъ вкусите!

Изъ чужихъ сторонъ придете
Вы на край родимой свой;
Тутъ въ объятїяхъ найдете
Славу, сердце — и покой!
Тутъ брони свои сложите,
И на лаврахъ отдохните!

Тутъ облобжутъ Ваши раны,
И слезами оросятъ.
Окончайте подвигъ бранный,
И скорѣе къ намъ назадъ! —
Тутъ брони свои сложите,
И на лаврахъ отдохните!

Срезневскій.

Къ Манлію Торквату.

(*Горац. Кн. IV. ода 7-я*).

Diffugere nives, redeunt jam *etc.*

Уже разстаяли снѣга, —
Опять долины зеленѣютъ
И на деревьяхъ кудри вѣютъ.
Вступивши рѣки въ берега
Катятъ средь нихъ спокойно воды:
Перемѣнился видъ природы.
Изъ Нимфъ составя хороводъ
Аглая водитъ имъ съ четою
Подругъ одѣтыхъ — красотою. —
Не думай вѣчнымъ быть, — то годъ,
То каждый часъ тебѣ вѣщаетъ,
Что дни прохладны похищаетъ.
Вотъ Зефиры смягчили хладъ;
Настанетъ зной, — весну прогонитъ; —
И лѣто свой отъ насъ ходъ склонитъ, —
Какъ только плодъ поля взрастятъ,
Какъ спѣла осень появится:
А тамъ — опять зима тащится. —
Но смѣну и уронъ временъ
Теченье лунъ возобновляетъ;
А кто изъ насъ перелетаетъ

Туда, гдѣ Туллъ богатый, Анкъ
Съ богобоязненнымъ Энеемъ; —
Тамъ всѣ какъ прахъ, какъ тѣнь изчезнемъ.
Судилиль Вышнїе къ лѣтамъ,
Которы днешнїй день кончаетъ,
Прибавить завтра намъ — кто знаетъ? —
Не будь же скупъ, — пускай къ рукамъ
Наслѣдника не достается
Хоть то, что съ сердцемъ проживется:
Вѣдь какъ умренъ и надъ тобой
Свершитъ судъ грозный и правдивый
Миносъ — судья неумолимый; —
Торквать! тогда ни родъ ужъ твой,
Ни слова рѣдкїй даръ, ни жертвы
Не воскресятъ тебя изъ мертвыхъ! —
Что бы изъ адкой тьмы извлечь
Невинну жертву — Ипполита, —
Тщетна Дїаны власть, защита.
Не можетъ и Тезей разсѣчь
Оковы смертны Пиритоя —
Любезнаго себѣ героя. —

Ф — ій.

Доблесть.

(*Ода Эрины, Лезбійской стихотворицы.*)

Блестяща поясомъ златымъ
Дщерь Марса, — ужасъ грозной брани,—
Царица, коей мощны длани
Несутъ смерть непокорнымъ, злымъ!
Привѣтствую тебя, о доблесть!

*

Твой тронъ сіяетъ въ лѣпотѣ
Свѣтилъ превыше неизчетныхъ,
Въ обители Боговъ безсмертныхъ,
Въ надзвѣздной — свѣтлой высотѣ
Неколебимаго Олимпа.

*

Тебѣ, Всесильная! одной
Превѣчна Парка скиптръ вручила —
И на главу вѣнецъ взложила:
Да властною твоей рукой
Всѣмъ правишь и владѣешь вѣчно.

*

Сердца трясутся твердыхъ горъ,
Клубятся подъ тобою бездны;
А ты, въ безпечности надежной,
Всегда имѣя свѣтлый взоръ,
Кормило царства держишь мощно.

Летитъ свирѣпый быстро Кронъ,
Все руша въ яростномъ паренiи;
Но въ семъ погибельномъ стремленiи
Коса о твой недвижный тронъ
Крушится старика сѣдаго.

*

Онъ будетъ твердъ во всѣхъ вѣкахъ!
Попутныхъ вѣтровъ при дыханiи,
Въ своемъ божественномъ сiянiи,
Плывешь на вздутыхъ парусахъ
Ты, какъ владычица вселенной.

*

Герои грозные въ бояхъ,
Противнымъ страхъ, — мужья избранны;—
Твой плодъ — твои суть чада славны;
Златыя жатвы какъ въ поляхъ
Плодъ благодѣтельной Цереры.

*

Склони, Богиня, слухъ благой,
И въ юношѣ моемъ любезномъ
Зажги огнь; да въ вѣнцѣ побѣдномъ
Со славой прiйдетъ милый мой
Въ объятья пламенной любови.

Сь Греческ. *Пав. Куницкiй.*

Спартанка.

Среди долинъ, въ полночный часъ,
Безмолвно шли на брань Спартанцы;
Имъ въ слѣдъ влеклися жены, старцы,
Пуская вопль: спасите насъ! —
Одна Спартанка шла спокойно,
Лишь вздохи изрѣдка невольно
Тѣснили тяжко грудь ея.

Блѣдна, но съ твердою душой,
Смотрѣла впалыми глазами,
Какъ къ ней неробкими стопами
Могучій подходилъ герой.
Въ героѣ сына познавая,
Видъ мужества предъ нимъ являя,
Она вѣщала такъ ему:

Гряди на тьмы враговъ, мой сынъ!
Я мать — но жертвую тобою,
Безъ слезъ узрю, когда мнѣ съ бою
Лишъ прахъ твой принесутъ одинъ.
Пускай враги тебя терзаютъ,
Они съ безславіемъ познаютъ,
Что смерть Спартанцу не страшна.

Еще ты въ колыбели спалъ,
Когда отецъ твой грудь открыту
Поставивъ родинѣ въ защиту,
На полѣ ратномъ дни скончалъ;
Гряди и ты безстрашно къ чести,
Приди съ побѣдой, иль на мѣстѣ
Умри среди враговъ твоихъ.

Но прежде, чѣмъ твой ясный щитъ
Звуча падетъ изъ рукъ безсильныхъ,
Не дай врагамъ зрѣть странъ тѣхъ мирныхъ,
Гдѣ легъ отецъ твой опочить;
Гони ихъ отъ священна праха,
Что бы тебя средь смертна мрака
Не упрекала тѣнь его.

Герой прижавши къ сердцу мать,
Иду, вѣщалъ, на бранны громы;
Мнѣ съ дѣтства звуки ихъ знакомы;
Имъ, имъ хочу однимъ внимать!
Но сердце въ немъ сильнѣй забилось,
Когда ему съ зарей открылось
Жилище мирное его.

Простившись съ нимъ въ послѣдній разъ,
Оставилъ мать среди долины,

Съ стремнинъ понесся на стремнины
И вскорѣ скрылся онъ изъ глазъ.
Тогда Спартанка на свободѣ
Забыла все — и дань природѣ
Слезой горячей отдала.

Межъ тѣмъ Спартанцы съ тишиной
Къ равнинѣ битвы подходили,
И только слѣдъ враговъ открыли,
Предстала смерть съ усмѣшкой злой;
Куда лишъ взоръ она свой кинетъ,
Тамъ мужество иль юность гибнетъ
Среди стенанія и мукъ.

Сражать злодѣевъ утомясь,
Младый герой стоялъ въ печали,
Тутъ вдругъ стрѣлу въ него послали,
И палъ щитъ крѣпкій раздробясь;
Стрѣла вонзилась въ грудь глубоко,
Понесся стонъ его далеко
И сердца матери достигъ.

Она, влекомая тоской,
Идетъ одна на поле брани,
Гдѣ сынъ ея, простерши длани,
Лежалъ съ поникшею главой.

Склоня прискорбны взоры къ сыну,
Благословлю твою кончину,
Ему спокойно говоришъ.

Возмите воины сей прахъ
Стрѣлой сраженнаго героя;
Спартанцы посреди покоя
Воспомнятъ о его дѣлахъ:
Тогда имъ враны чернокрылы
Покажутъ съ крикомъ двѣ могилы,
Гдѣ будетъ онъ съ отцемъ лежать.

Мояжъ отрада въ томъ и честь,
Что грудью я его вскормила,
И какъ Спартанка научила
Къ врагамъ питать до гроба месть.
Скончавъ — сокрылась въ чистомъ полѣ.
Тогда никто не видѣлъ болѣ
Изъ глазъ ея текущихъ слезъ.

А. Кодинецъ.

Минвана.

Эпизодъ изъ Оссіановыхъ сочиненій.
Поэма послѣдняя.

Съ сердцемъ трепетнымъ, растерзаннымъ
И съ лицемъ покрытымъ розами —
Дѣва юная, прелестная,
Уклонясь, съ скалы возвышенной
Простираетъ свой печальной взоръ
На пространство моря шумнаго. —
Тамъ — тамъ въ синей отдаленности
Представляется очамъ ея
Блескъ оружій юныхъ ратниковъ.
Солнца лучь скользитъ по шлемамъ ихъ—
Вѣтръ надулъ шумящи парусы,
И Минвана зритъ Фингаловъ флотъ.
Гдѣ ты Рино, другъ души моей?
Упади въ мои объятія!
Какъ давно Минвана ждетъ тебя!
Но печальны и потупленны
Взоры ратниковъ вѣщали ей:
Ахъ! напрасно, ты прекрасная,
Призываешь Рина храбраго!
Витязь палъ въ пылу сраженія —
Тѣнь его превыше облаковъ

Носимся въ поляхъ спокойствія!
Слышенъ былъ намъ слабый гласъ его
Вмѣстѣ съ вѣтрами сливаясь,
Надъ холмомъ одѣтымъ зеленью. —
Какъ, ужели палъ Фингаловъ сынъ,
На златыхъ поляхъ Ультоніи?
Коль сильна рука соперника
Рина храбраго сразившая!
Но увы! одна осталась я —
Буря въ сердцѣ — мракъ въ душѣ моей—
Нѣтъ, не буду здѣсь я болѣе!
Вѣтры вѣющи власы мои,
Я не буду съединять теперь
Тяжки вздохи съ вашимъ вѣяньемъ! —
Пусть засну я при источникѣ
Подлѣ хладныя обители,
Тамъ, гдѣ спитъ онъ непробуднымъ сномъ.
Сынъ Фингаловъ! я не зрю тебя
Окруженнаго ловитвою;
Не блистаютъ на лицѣ твоемъ
Нѣжны прелести, какъ Майскій день!
Тѣнь густая стережетъ тебя —
И безмолвіе полуночи
Обитаетъ, гдѣ почіешь ты. —

Гдѣ теперь твои псы вѣрные?
Гдѣ твой лукъ? гдѣ шлемъ пернатый твой?

Гдѣ твой мечь подобный молніи?
Гдѣ копье твое тяжелое,
Часто кровью обагренное?
Но увы! я зрю оружія
Въ кораблѣ печальныхъ ратниковъ
Омоченныя въ крови лежатъ! —
Ахъ! зачѣмъ не положили ихъ
Близь его жилища мрачнаго!
Когда гласъ зари румяныя
Нѣжно — нѣжно возвѣститъ тебѣ:
Юный ратникъ! пробудись отъ сна —
Звѣроловцы ѣздятъ на полѣ;
Серна робкая приближилась
Къ твоему жилищу мирному! —
Удались, Аврора кроткая!
Рино спитъ теперь глубокимъ сномъ —
Онъ не внемлетъ, что вѣщаешь ты. —
Часто скачутъ лани быстрые
На пустынномъ гробѣ витязя! —
Смерть свои повсюду ужасы
Близъ одра его разсѣяла;
Но я съ трепетомъ приближуся,
Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ покоится. —
Пусть Минвана въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Тамъ заснетъ близъ Рина вѣчнымъ сномъ! —
Тщетно будутъ здѣсь искать меня

Дней моихъ подруги нѣжныя!
Я на вѣкъ отъ нихъ сокроюся!
Пусть при звукахъ арфы жалостныхъ
По слѣдамъ моимъ пойдутъ онѣ;
Но Минвана не услышитъ ихъ
Въ нѣдрѣ гроба Рина храбраго! —

Фортунатовъ.

Вѣра, Надежда, Любовь.

Чью душу наполняетъ *Вѣра*,
Тому есть сладкая *Надежда*,
Что въ добрыхъ сыщетъ онъ *Любовь*,
Тамъ къ Богу близкій путь есть *Вѣра*,
Съ ней горесть уменшитъ *Надежда*
И дастъ быть щастливымъ *Любовь*.
О! будь всегда со мною *Вѣра*!
Въ тебѣ лишъ чистая *Надежда*,
Съ тобою истинна *Любовь*!
Моимъ наставникомъ — будь *Вѣра*;
А утѣшеніемъ — *Надежда*,
Чтобъ жизнь мнѣ вся была — *Любовь*.

Р—ву.

На совѣтъ, по прочтеніи Волтерова описанія природы, описать садъ его.

Чтобы изобразить сердечное намъ чувство,
Не нужно здѣсь вводить чужихъ умовъ искуство;
Что внутрь души нашелъ, — то въ риѳмы положи;
Лишъ только чувствами стихи свои вяжи.
А коль не ладятся, — я въ томъ невиноватa:
Грамматика сердецъ словами небогата:
Къ тому жъ малиновка не ищетъ занимать
Напѣвовъ соловья, — чтобъ слухъ нашъ услаждать;
А также какъ и онъ въ кусточкѣ попѣваетъ
И туже самую природу прославляетъ.
Я право не люблю чужое прибирать;
Но истину души красивѣй описать
И садъ твой чтобъ сравнить въ стихахъ моихъ съ эдемомъ
Тружусь и думаю надъ всякимъ я напѣвомъ.

Однакоже мой трудъ напрасенъ долженъ
быть
И сада твоего нельзя мнѣ похвалить:
Гдѣ вкусъ и разумъ твой съ природою
сливался,
Не только я, — кто вѣкъ стихами за-
нимался,
И тотъ прекраснѣе не можетъ описать,
Какъ только отъ души *твоимъ* его назвать.

Любовь Кричевская. (*)

(*) Вы хотѣли, милый другъ и братъ! Что бы нестройной мой голосъ былъ слышенъ въ Украйнѣ: чувствую большое удовольствіе; хотя, испытывая себя, долго не смѣла рѣшиться исполнить желаніе ваше. Доселѣ все, что я писала въ свободныя минуты моей жизни, читали однѣ друзья мои; а для сердца любящаго насъ все въ насъ любезно. — Но что я предложу такому множеству читателей, меня незнающихъ? Не будутъ ли они имѣть права сказать: какое самолюбіе? — И чемъ я справдаю себя? — Они того не знаютъ, что изъ угожденія такому другу какъ вы, можно подвергнуть себя нѣсколькимъ осужденіямъ; — они не знаютъ, что я не имѣла случая учиться; читала только стихи и по навыку писала для тѣхъ, которые

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества въ Харьковѣ.

Извѣстивъ кратко въ первой книжкѣ сего журнала, объ учрежденіи здѣсь Би-

---

не входя въ подробные размѣры стопъ, измѣряютъ одни мои чувства и говорятъ, что я пишу по ихъ сердцу. Вотъ минуты, когда я мечтаю присвоить себѣ названіе писательницы! — Но благодарю Бога, минуты такого ослѣпленія рѣдки; — и я отъ чистаго сердца прошу своихъ почтенныхъ читателей — прощать мои безчисленные ошибки, поправлять ихъ, — а болѣе всего не думать, что бы я, имѣя дерзкую мысль занять собою публику, забыла когда нибудь свое правило: „изъ доброй воли не итти на судъ людей.„ — Вы другъ мой! требуете того; повинуюсь вамъ, и могу увѣрить васъ, что всего дороже цѣню ту честь, которую вы мнѣ дѣлаете, помѣщая меня среди истинныхъ дарованій почтенныхъ писателей украшающихъ Украинскій Вѣстникъ вами издаваемый.

Любовь Кричевская.

Послѣ сего скромнаго и разсудительнаго письма, вѣрно читатели не будутъ строги къ Стихотворицѣ и одобрятъ ее шалантъ. Примѣч. Изд.

блейскаго общества, щитаемъ нужнымъ сказать нѣчто и о поводѣ, или причинѣ къ оному учрежденію. Это была любовь и приверженность къ странѣ родной, желаніе всѣмъ благодѣтельствовать и доставлять случаи къ назиданію себя, — паче же присныимъ въ вѣрѣ, въ нравахъ, въ правахъ: — это было письмо Вице-Президента Россійскаго Библейскаго Общества Захарія Яковлевича Корнѣева къ здѣшнему Г. Гражданскому Губернатору — Въ немъ видна вся доблесть Россійскаго Вельможи; — въ немъ сіяетъ истинная любовь къ вѣрѣ отцевъ нашихъ; въ немъ... но мы ничего лучше не можемъ сказать о немъ, какъ помѣстить его отъ слова до слова здѣсь, и тѣмъ предоставить всякому изъ нашихъ читателей судить по собственному чувству.

Милостивый Государь мой,

Василій Гавриловичъ!

Признательность къ мѣсту нашего рожденія и къ Сословію, гдѣ при воспи-

танїи въ юности посѣяны въ умъ и сердце добрыя сѣмена вѣры и добродѣтели, обязываетъ на весь вѣкъ наиживѣйшими къ нему чувствованїями благодарности и требуетъ, да мы, по мѣрѣ преуспѣянїя нашего въ теченїи жизни въ сихъ главныхъ основанїяхъ благоденствїя человѣскаго, безпрестанно обращаемъ все вниманїе на свою отчизну и на мѣсто перваго нашего воспитанїя, къ дальнѣйшему просвѣщенїю во истиннѣ ближнихъ и къ доставленїю имъ вѣрныхъ средствъ, дѣлаться не на время токмо, но и на вѣчность благополучными.

Сей предметъ магнетически привлекая меня всегда къ Слободско-Украинской Губернїи, гдѣ я родился, и къ городу Харькову, гдѣ первое получилъ воспитанїе въ вѣрѣ Христїанской, до нынѣ не представлялъ мнѣ столь вѣрнаго средства, быть полезнымъ моимъ соотчичамъ, какъ теперь по вступленїи въ члены Россїйскаго Библейскаго Общества и по избранїи онымъ меня въ Вице-Президенты.

Милостивый Государь мой! Вамъ какъ начальнику Губернїи, и сколько я имѣю

честь васъ знать, сердечно приверженному къ вѣрѣ, безъ сомнѣнія извѣстны и цѣль Россійскаго Библейскаго Общества и средства, какими старается оно достигать къ распространенію слова Божія не токмо между вѣрующими во Іисуса, но и между всѣми племенами и языками, дабы чрезъ безмолвное вниманіе сему вѣщанію божественнаго гласа собрать всѣхъ во едино стадо подъ руководство единаго Пастыря Іисуса; къ благодѣтельному и можно сказать Апостольскому сему званію приглашаетъ оно всѣхъ и каждаго изъ вѣрующихъ, дабы каждаго временной талантъ обратить на пріобрѣтеніе вѣчнаго плодоносія.

Симъ движимъ будучи и я къ истинной пользѣ и безсмертной славѣ моихъ соотчичей, препровождаю при семъ отчетъ Россійскаго Библейскаго Общества за 1813 годъ, нѣсколько книжекъ объ успѣхахъ и цѣли онаго и Исторіи Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство сообщить оные Дворянскому и прочимъ сословіямъ, для прочте-

нія и открышія во оныхъ существенной пользы разпространенія слова Божія; которое въ короткое время, какіе удивительные успѣхи произвело во всѣхъ частяхъ обитаемаго міра, сего безъ сердечнаго чувствованія и благоговѣйнаго прославленія Промысла Божія о насъ, ни одинъ вѣрующій читать не можетъ. Какія же легкія къ сему средства употребляются, въ томъ каждый и самобѣднѣйшій по имуществу человѣкъ, но въ вѣрѣ Іисуса богатый, участвовать можетъ.

Естьли вы, Милостивый Государь мой, войдя въ разсмотрѣніе сего богоугоднаго и для рода человѣческаго наиполезнѣйшаго дѣла, откроете сколько чрезъ разпространеніе прилагаемыхъ книжекъ столько и чрезъ сношеніе съ благонамѣренными и вѣрѣ Христіанской преданными людьми; каковыми губернія вамъ ввѣренная изобилуетъ, откроете говорю, много охотниковъ; то смѣю просить о заведеніи Отдѣленія библейскаго сотоварищества или и общества и пріуготовясь къ оному отнестись ко мнѣ; тогда по представленію моему Комитетъ Россій-

скаго Библейскаго Общества не оставитъ насъ снабдить всѣми нужными правилами и другими пособіями; что и весьма желательнобъ было, дабы не отстать отъ другихъ губерній и открыть благорасположеніе Слободско-Украинскаго Дворянства и всѣхъ сословій готовность на обнаруженіе тѣхъ чувствованій Христіанской религіи, которыми всегда они въ сердцѣ своемъ горятъ къ Богу. — Къ сему Обществу и нужно, и должно приглашать людей всякаго состоянія, духовныхъ и свѣтскихъ; ибо вѣра во Іисуса есть всѣмъ общая и слово Божіе есть для всѣхъ единственная духовная пища, безъ вкушенія которой никто не можетъ наслаждаться жизнію вѣчною.

Пока же приуготовитесь, Милостивый Государь мой, къ сему важному, истинно славному и богоугодному дѣлу, а между тѣмъ откроются охотники ко вступленію въ члены Россійскаго Библейскаго Общества и обяжутся ко взносу ежегодному каждый отъ своихъ избытковъ; то покорнѣйше прошу имена ихъ сообщить и деньги собранныя препрово-

дить ко мнѣ; я же, взнеся оныя въ общую казну, не умедлю доставить вамъ квитанцiю о полученiи денегъ; равно увѣдомлю и о полученiи и отдачѣ въ общую казну и единовременныхъ взносовъ, когда оные случатся.

Въ прочемъ, доколѣ въ одномъ или другомъ получите Ваше Превосходительство успѣхъ соотвѣтственный неусыпному вашему попеченiю, усерднѣйше прошу продолжать по сей матерiи со мною переписку, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ.

Съ истиннымъ почтенiемъ и преданностiю имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой!

Вашего Превосходительства

покорнѣйшiй слуга

Захаръ Карнѣевъ.

Iюня 5 дня,
1815 года.
Санктпетербургъ.

Въ слѣдствіе сего письма, всѣ сословія приглашаемы были Г. Гражданскимъ Губернаторомъ къ ежегодному, или единовременному пожертвованію въ пользу Россійскаго Библейскаго Общества. А поелику Господа Дворяне изъявили желаніе имѣть у себя Отдѣленіе сего Общества; то и было о семъ представлено Г. Тайнымъ Совѣтникомъ, Сенаторомъ, Государственнаго Совѣта Членомъ, Россійскаго Библейскаго Общества Вице-Президентомъ и кавалеромъ Захаріемъ Яковлевичемъ Карнѣевымъ 23 Сентября прошедшаго года Комитету Россійскаго Библейскаго Общества, и принято онымъ съ признательностію; для учрежденія же Слободско-Украинскаго Отдѣленія присланы правила:

I. *Слободско-Украинское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества* вспомоществуетъ Россійскому Библейскому Обществу въ предпріятіи его, то есть: въ стараніи приводить въ большее употребленіе *Библію*, или книги Священнаго Писанія *Вѣтхаго и Новаго Завѣта, безъ всякихъ* на оныя *примѣчаній и поясненій.*

II. Слободско-Украинское Отдѣленіе состоитъ изъ Членовъ всякаго вѣроисповѣданія Христіанскаго, кои внутренно убѣждены въ пользѣ отъ чтенія Библіи произходящей и кои по тому пожелаютъ вступить въ Члены Общества, и принять въ трудахъ его участіе для размноженія и раздачи сихъ книгъ между жителями Слободско-Украинской Губерніи, а наипаче между бѣдными людьми.

III. Слободско-Украинское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества, для произведенія дѣлъ своихъ, избираетъ изъ Членовъ оное составляющихъ особый *Комитетъ*. Комитетъ сей составляется изъ одного или двухъ *Вице-Президентовъ*, шести или осьми *Директоровъ*, одного *Казначея* и одного или двухъ *Секретарей*. Въ отсутствіи Вице-Президента, дѣла могутъ быть разрѣшаемы подъ Предсѣдательствомъ одного изъ Директоровъ, который по списку первымъ состоитъ. Для составленія засѣданія нужно не менѣе троихъ Директоровъ съ однимъ Секретаремъ.

IV. Поелику Россійское Библейское Общество печатаетъ, покупаетъ и раздаетъ Библіи на всякихъ языкахъ и каждому вѣроисповѣданію Христіанскому тѣхъ самыхъ изданій, кои Церковію каждаго вѣроисповѣданія издревле приняты и употребляются; то главное попеченіе Комитета Слободско-Украинскаго Отдѣленія заключается въ содѣйствіи оному Обществу къ достиженію цѣли его по Слободско-Украинской Губерніи. Комитетъ Слободско-Украинскій не предпринимаетъ безъ согласія и вѣдома Петербургскаго Комитета никакихъ новыхъ дѣлъ, не пріобрѣтаетъ и не приводитъ въ употребленіе новыхъ и особыхъ изданій книгъ Священнаго Писанія. Какъ цѣлыя Библіи, такъ и отдѣльно Новые Завѣты, сколько и на какихъ языкахъ оныхъ потребно имѣть для разпродажи и раздачи въ Слободско-Украинской Губерніи, Комитетъ Слободско-Украинскій получаетъ отъ Петербургскаго Комитета за самыя умѣренныя цѣны, или узнаетъ отъ онаго, гдѣ какія изданія Библій и Новыхъ Завѣтовъ доставать можно.

V. Комитетъ Слободско-Украинскій запасаетъ себя Библіями на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя нужны для жителей той Губерніи всякаго вѣроисповѣданія,— хотя бы оные и не Христіане были, каждому на его языкѣ. Суммы на сіе потребныя собираетъ онъ по подпискамъ ежегоднымъ, и также посредствомъ единовременныхъ приношеній. Всѣ таковые взносы, ежегодные и единовременные, суть произвольные для каждаго доброхотнаго дателя. Всякой даетъ, сколько хочетъ и можетъ. Подписывающіеся на *ежегодные и ежемѣсячные* или и *еженедѣльные* взносы какой либо суммы, признаются *Членами*; а дающіе *единовременное* приношеніе — *Благотворителями* Россійскаго Библейскаго Общества вообще; но принадлежатъ въ особенности къ Слободско-Украинскому Отдѣленію онаго.

VI. *Казначей* принимаетъ всѣ деньги, ежегодно и единовременно, ежемѣсячно и еженедѣльно вносимыя и даетъ въ томъ за своимъ подписаніемъ *росписки* или *квитанціи*. Собираемыя такимъ образомъ суммы хранитъ онъ у себя и не иначе

выдаетъ, какъ по *приказамъ*, которые даются ему за подписью Вице-Президента и Секретаря, или Предсѣдательствовавшаго Директора за отсутствіемъ Вице-Президента, по положеніямъ въ засѣданіяхъ Комитета дѣлаемымъ. Казначей ведетъ у себя вѣрныя записки и счеты всѣмъ приходамъ и расходамъ, каковые во всякое время должны быть готовы для представленія и повѣрки Членамъ Комитета. Каждый годъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ подаетъ онъ счеты свои Комитету, который разсматриваетъ оные самъ, или поручаетъ то нѣкоторымъ изъ своихъ сочленовъ.

VII. *Секретари* ведутъ *Журналы* каждому засѣданію Комитета. Журналъ таковый каждаго засѣданія подписывается Вице-Президентомъ; а въ отсутствіи его тѣмъ изъ Директоровъ, который занималъ первое мѣсто въ засѣданіи и Секретаремъ. Секретари заготовляютъ и производятъ также всю переписку по дѣламъ Общества.

VIII. Комитетъ собирается каждый мѣсяцъ по одному разу; а естьли нужда

потребуетъ, то и чаще. Въ засѣданіяхъ своихъ Комитетъ занимается разсмотрѣніемъ успѣха въ предпринятыхъ имъ дѣлахъ и количества собранныхъ суммъ, — разсужденіемъ о запасеніи себя потребнымъ числомъ Библій на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя для жителей Слободско-Украинской Губерніи нужны, — прочтеніемъ получаемыхъ бумагъ и сношеній разныхъ мѣстъ и лицъ съ Комитетомъ, — и разрѣшеніемъ, что отвѣтствовать на оныя. Время засѣданія Комитета назначается Вице-Президентомъ, а въ небытность онаго первымъ изъ Директоровъ; созывъ же Членовъ въ засѣданіе производится чрезъ Секретаря.

IX. Наличные въ Харьковѣ Члены Библейскаго Общества имѣютъ каждый годъ въ началѣ Генваря *генеральное Собраніе*, въ которомъ слушаютъ отчетъ Комитета Слободско-Украинскаго въ управленіи имъ дѣлъ и въ употребленіи собранныхъ суммъ въ теченіи года. Отчетъ таковый, вмѣстѣ съ именнымъ спискомъ Членовъ и Благотворителей по альфавиту, препровождается потомъ немедленно въ Пе-

тербургскїй Комитетъ, который печатаетъ все то съ своимъ отчетомъ.

X. Въ Генеральномъ Собранїи, по выслушанїи отчета, избираются новые Директоры Комитета; ибо половина оныхъ каждый годъ перемѣняется. Тѣ изъ нихъ, кои въ теченїи минувшаго года часто бывали въ засѣданїяхъ Комитета, могутъ быть и снова избраны. Выборъ въ Директоры производится изъ Членовъ Общества то есть тѣхъ, кои подписались на опредѣленные всегда взносы денегъ.

1816 года, Генваря 12 дня Г. Гражданскїй Губернаторъ пригласилъ всѣхъ Членовъ Россїйскаго Библейскаго Общества по Слободско-Украинской губернїи для назначенїя Членовъ Комитета Отдѣленїя, и избраны посредствомъ балотированїя Вице-Президентами: Василїй Гавр. Мураповъ и Андрей Фед. Квитка; Директорами: Протоїерей Андрей Сем. Прокоповичъ, Борисъ Егор. Герсивановъ, Николай Вас. Лосевъ, Александръ Мир. Времевъ, Тимофей Мир. Времевъ, Іона Ник. Познанскїй, Демьянъ Ив. Булычевъ и Федоръ Макс.

Павловъ; Казначеемъ Андрей Ив. Косовскій; Секретарями: Андрей Ив. Кереитовъ и Гаврила Ив. Борель.

1816 года Генваря 21 дня Комитетъ Слободско-Украинскаго Отдѣленія Россійскаго Библейскаго общества имѣлъ первое засѣданіе, и положено въ ономъ между прочимъ:

Для успѣшнѣйшаго приглашенія въ Члены и Благотворители Общества назначить Корреспондентами онаго: по Харьковскому уѣзду Іону Ник. Познанскаго; по Изюмскому Ивана Яков. Тихоцкаго; по Волчанскому Александра Мир. Времева; по Купенскому Егора Ильича Мѣчникова; по Валковскому Демьяна Ив. Булычева; по Богодуховскому Федора Макс. Павлова; по Ахтырскому Аполлинарія Львов. Шагарова; по Зміевскому Александра Аким. Бедрягу; по Сумскому Николая Ильича Савича, и по Лебединскому Николая Васильевича Лосева.

Дабы господа Члены Общества могли дѣйствовать въ точности по правиламъ для онаго постановленнымъ, опредѣлено напечатать 600 экземпляровъ правилъ и

снабдить оными каждаго изъ гг. Членовъ.

Поступившія отъ Членовъ и Благотворителей общества деньги 2800 руб. отправить въ Комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества съ прозьбою о доставленіи Библій: на Нѣмецкомъ языкѣ двадцати, Французскомъ десяти, Латинскомъ пятидесяти; на остальныя же за цѣмъ деньги Библій на Россійскомъ языкѣ, сколько придется экземпляровъ.

Отнесшись въ Московское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества о перечисленіи изъ онаго въ Слободско-Украинское Членовъ поступившихъ туда по здѣшней Губерніи, въ слѣдствіе приглашенія Г. Протоіерея и кавалера Андрея Сем. Прокоповича. —

Успѣхъ сего Отдѣленія Библейскаго Общества отвѣчаетъ тому усердію ко благу общему, коимъ здѣшнее Дворянство и другія сословія имѣли случай отличить себя. Оно доселѣ имѣетъ уже *семдесятъ девять* Членовъ, которые обязались ежегодно взносить 1253 руб. 50 коп.

Число же приношеній вообще отъ Членовъ и Благотворителей Общества простирается свыше 3000 руб.

Неимѣющіе ожидаютъ съ нетерпѣніемъ души жаждущей своего спасенія присылки Библіи на разныхъ языкахъ. Когда они пришлются; то мы надѣемся имѣть удовольствіе сообщить какія нибудь черты нашихъ соотечественниковъ больше всего приверженныхъ къ вѣрѣ предковъ и столько снискавшихъ чрезъ то себѣ славы и щастія.

Харьковское Общество Благотворенія.

Предполагая при годовомъ отчетѣ Совѣта сказать о всѣхъ пожертвованіяхъ здѣланныхъ въ теченіе года сему Обществу, — мы щитаемъ однакожъ и теперь пріятнѣйшимъ долгомъ извѣстить нашихъ читателей о концертѣ данномъ въ прошедшій великій постъ лучшими здѣшними виртуозами и любителями музыки.

Представленія на театрѣ нашемъ и всѣ общественныя увеселенія кончилися съ послѣднимъ днемъ масленицы. Умы всѣхъ устремились къ благомыслію и первая мысль была: здѣлать пожертвованіе въ пользу Института для воспитанія бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ здѣсь учрежденнаго. Виртуозы и любители музыки

предложили Совѣту Общества, — что они дадутъ концертъ, который бы доставилъ и удовольствіе людямъ съ образованнымъ чувствомъ, и способъ здѣлать благотвореніе. Г. Витковскій извѣстнѣйшій искусствомъ своимъ на скрыпкѣ — ученикъ Гайдена, и Г. Шуманъ на віолончелѣ — ученикъ также славнаго Ромберга, были первые въ семъ концертѣ. Не доставало фортепіана, — и это очень затрудняло согласившихся дать концертъ; хотя къ чести города сказать должно, что здѣсь много есть играющихъ на семъ инструментѣ достойныхъ вниманія большой и просвѣщенной публики. Всѣ они однакожъ не рѣшались на сію новость здѣсь еще никогда небывалую; всѣ имѣли причины отклонить отъ себя предложеніе, хотя ни одна изъ причинъ сихъ не имѣла въ полной мѣрѣ справедливаго основанія. Наконецъ виртуозы обрадованы были согласіемъ участвовать въ концертѣ *Александры Ивановны Каменской*, дочери здѣшняго почтеннаго Профессора и Доктора Медицины — той самой, которая извѣстна читателямъ нашимъ по прекраснымъ сво-

имъ переводамъ помѣщеннымъ въ семъ Журналѣ. Рѣшимость сей Дѣвицы по всей справедливости заслуживаетъ всякое уваженіе: не дорожа толками могущими произойти отъ мнѣній различно понимающихъ ея намѣреніе и отнюдь не отъ самонадѣянности на свой талантъ,— а имѣя единственное желаніе вспомоществовать сиротамъ воспитывающимся въ Институтѣ, рѣшилась она участвовать въ концертѣ. И въ самомъ дѣлѣ многимъ, которые или не любятъ благотворить такимъ образомъ, или не думаютъ о намѣреніи съ какимъ предпринимается что нибудь,— многимъ казалось не прилично благородной дѣвицѣ играть предъ публикою и еще за деньги. Но эта мысль не заслуживаетъ никакого возраженія и опровергается всеобщею похвалою во всѣхъ подобныхъ сему случаяхъ. Развѣ только не читали такъ мыслящіе журналовъ; иначе увидѣли бы: что подобный поступокъ, когда Г-жа Франкъ, жена знаменитѣйшаго въ Европѣ Доктора молодаго Франка, содержала своими концертами цѣлый клиническій Институтъ Виленскаго Университета —

что сей поступокъ доведенъ даже до свѣдѣнія начальства и принятъ съ отмѣнною признательностію. Другимъ казалось лучшимъ здѣлать пожертвованіе прямо отъ себя и даже не объявя своего имени. Противъ сего также возраженій быть не можетъ; но всякой ли равно имѣетъ возможность здѣлать *отъ себя* пожертвованіе, какъ другой? Всякому ли дано *пять талантовъ?* И не часто ли сіи люди *могущіе пожертвовать отъ себя*, остаются при сей только возможности; между тѣмъ какъ другіе дѣйствительно жертвуютъ, чѣмъ могутъ и заслуживаютъ истинное названіе благотворителей? — При томъ же, благотворить мы должны *отъ своей собственности*; но какая собственность можетъ почесться справедливѣе таковою, какъ не душевныя способности наши, какъ не внутреннее наше образованіе? И чѣмъ даже мы можемъ облагородствовать искуства наши, для коихъ при воспитаніи дѣвицъ употребляется теперь столько времени и издержекъ, — какъ не обращеніемъ сихъ искуствъ на дѣла общеполезныя, благотворныя?

Мнѣнія и толки остались мнѣніями безъ всякаго вліянія. Концертъ былъ, какого только желать можно; скрыпка, віолончель и фортепіано восхищали попеременно слушателей. Искуство и пріятность были совершенны; здѣсь наслаждались душа, сердце, слухъ и *зрѣніе*.

Самый оркестръ былъ не обыкновенный оркестръ: онъ весь почти состоялъ изъ Гг. Студентовъ здѣшняго Университета, *кои всегда отличались благонравнымъ поведеніемъ и вѣжливостію* и кои пожелали также участвовать въ благотвореніи, каждый посредствомъ своего таланта въ музыкѣ.

Наша Публика приняла сей концертъ съ великимъ уваженіемъ. Всѣ Особы знаменитѣйшія въ городѣ и умѣющіе цѣнить поступки добрыхъ и человѣколюбивыхъ душъ, посѣтили его, — и тѣхъ изъ нихъ только не было, коимъ воспрепятствовала какая нибудь совершенная невозможность. Словомъ, виртуозы и любители музыки имѣли слушателей — знающихъ отдать справедливость искуству ихъ и чувствамъ.

Общая сумма сбора, для жителей большихъ городовъ, — а особливо для жителей Столицъ, конечно покажется малою; но мы надѣемся, что вездѣ уважено будетъ намѣреніе, съ какимъ данъ былъ сей концертъ, — и раздѣлятся чувства признательности къ благотворителямъ, обще съ нами: ибо Россіяне, исповѣдающіе святѣйшую и блаженнѣйшую вѣру, знаютъ цѣнить и тысячи, и лепты. Особенныя приношенія сверьхъ назначенной цѣны за входъ въ залу Института, гдѣ данъ концертъ, были:

Отъ Его Пр-ва Г. Губернатора В. Г. Муратова за 1 билетъ - - 25 руб.
— Неизвѣстнаго военнаго чиновника, за 3 билета - - - 60 —
— Тоже за 3 билета - - 50 —
— Тоже за 1 билетъ - - - 10 —

Даже и на другой день послѣ концерта представлено:

Отъ неизвѣстной Особы кусокъ холста.
— Лейбъ-Гвардіи Шт. Ротм. и Кав. И. И. Бедряги и жены его Маріи Андреевны - - - - 25 —

Отъ Учителя музыки въ Институтѣ И. А. Воронца - - - 10 руб.
— Неизвѣстной Особы - - 5 —

Такимъ образомъ и нынѣшній годъ сей Институтъ имѣлъ щастіе видѣть умноженіе для себя благотвореній. Особливо восхищенъ онъ былъ въ Февралѣ мѣсяцѣ посѣщеніемъ Его Сіятельства, Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Попечителя Харьковскаго учебнаго Округа и разныхъ орденовъ Кавалера, Графа Северина Осиповича Потоцкаго, — какъ главнаго своего начальника по учебной части. Его Сіятельство посѣтилъ Институтъ тогда, какъ никто изъ Членовъ Совѣта и не думалъ о семъ, — вошелъ во всѣ подробности, о всемъ разспросилъ и всѣмъ остался совершенно доволенъ. На другой день прибылъ онъ также во все не ожиданно во время обѣда воспитанницъ и, присутствуя при ономъ, разспрашивалъ обо всемъ касающемся до экономической части и даже удивился, что такими малыми средствами въ такомъ порядкѣ содержится и такъ превосходно довольно большое заведеніе. Графъ, изъявивъ

Г-жѣ Смотрительницѣ свое удовольствїе за найденное имъ по ея части совершенное устройство, подарилъ 200 рублей собственно для воспитанницъ Института, изъ коихъ 50 руб. поручилъ употребить на угощенїе и музыку для нихъ; Членовъ же Совѣта увѣрилъ, что употребитъ возможное стараніе поддерживать сїе заведенїе, если оно будетъ имѣть нужду по его части. Хвала и честь сынамъ пространной, свыше благословенной Россїи!!—

V. СМѢСЬ.

О новой системѣ воспитанїя для первоначальныхъ училищъ.

(Изложенїе системы съ общими на нее примѣчанїями *Ж. Б. Сея*, по поводу изданной въ Парижѣ книги о семъ предметѣ *Кардоль Лястери.*)

(*Изъ Монитёра*).

Надобно ли просвѣщать народъ, или лучше ту часть народа, которую необходимость осуждаетъ на зависимость и работу? — Вотъ одинъ изъ вопросовъ, рѣ-

шенїе коихъ весьма затруднительно,— когда они выражаются слишкомъ общимъ образомъ; но оно дѣлается простѣе, когда смыслъ ихъ излагается опредѣленнѣе. Напримѣръ естьли спрашивается: *надобно ли, чтобы люди даже самыхъ низкихъ классовъ знали читать, писать и ариѳметику?* то въ этомъ кажется никто не попротивурѣчитъ.

И такъ, допустивши вообще такое основанїе, желательно, — чтобы всякой умѣлъ по крайней мѣрѣ читать, писать и щитать. При семъ замѣтимъ еще и то, что это должно удовлетворить самимъ защитникамъ просвѣщенїя—болѣе обширнаго. Ибо для того, чтобы знать въ сихъ отношенїяхъ больше,—надобно узнать сперва только *это*; и съ такимъ первымъ образованїемъ, повсюду разпространеннымъ, по крайней мѣрѣ можно надѣяться, — что ни одинъ необыкновенный талантъ не останется погребеннымъ въ безвѣстности; потому что у него будутъ уже средства, съ помощїю которыхъ онъ можетъ усовершить себя и здѣлаться извѣстнымъ. (*)

(*) См. выше стр. 65. Франклинъ этому самый лучшій примѣръ. Пр. Переводчика.

Сверхъ того какое-то чувство внушаетъ каждому изъ насъ,— что пріятнѣе жить между образованнымъ народомъ, нежели средь дикой орды; но народъ не образованъ, когда ему незнакомы еще сіи первыя основанія нашихъ познаній.

Какъ же надѣлить симъ низшіе классы народа? Обученіе, сколь бы просто ни было, предполагаетъ всегда нѣкоторыя издержки; но кстатѣ ли говорить объ издержкахъ тѣмъ семействамъ, которыя не всегда даже увѣрены и въ насущномъ хлѣбѣ? Должны ли правительства употреблять на это иждивеніе? но въ большихъ государствахъ Европы совсѣмъ нельзя надѣяться на сію помощь: они думаютъ о томъ только, чтобы увеличить свою силу и обезпечить торжество своей политической системы и думаютъ о семъ болѣе, нежели о средствахъ содѣйствовать благосостоянію народовъ. Это особенно примѣтно въ Англіи, гдѣ почти нѣтъ ниодного похвальнаго заведенія, которое было бы основано правительствомъ; и это побудило частныхъ людей сея земли соревновать въ заведеніи

многихъ общеполезныхъ учрежденій до того, что теперь нѣтъ нигдѣ столикаго числа благотворительныхъ заведеній, какъ тамъ. И конечно усилія, которыя въ отдѣльности будучи взяты остались бы тщетны, подкрѣпляются сединеніемъ и направленіемъ своимъ къ одной и тойже цѣли.

Однимъ изъ предметовъ, въ которыхъ сіи похвальныя общества имѣли наиболѣе успѣха и слѣдственно сдѣлали много добра, — было учрежденіе первоначальныхъ училищъ по новому плану для образованія народа въ Великобританіи и другихъ земляхъ. (*)

Извѣстно, что чрезмѣрные налоги въ Англіи возвысили до чрезвычайности цѣну на всѣ жизненные припасы; плата же за труды не увеличилась по соразмѣрности. Почему увѣряютъ, что третья часть народонаселенія въ Англіи т. е. почти весь классъ ремесленниковъ получаетъ пособія отъ приходовъ (paroisse), которыя будучи

(*) Сочинитель сей статьи самъ не давно путешествовалъ по Англіи и Шотландіи; онъ повсюду былъ свидѣтелемъ щастливыхъ дѣйствій, произведенныхъ сими новыми училищами.

присовокупляемы къ ежедневной выручкѣ достаточны для поддержанія ихъ семействъ. Но этимъ ограничивается все; на ученье ничего не остается.

Въ первые годы сего столѣтія Учитель Лондонскихъ малыхъ училищъ Г. *Ланкастръ* весьма успѣшно употреблялъ многіе способы ученія, съ помощію коихъ онъ дошелъ до того,—что могъ учить при малыхъ издержкахъ весьма большое число дѣтей. Благомыслящіе люди, побуждаемые выгодами, коихъ надѣялись отъ повсемѣстнаго введенія сихъ способовъ,— составили филантропическое для сего предмета общество. Съ его помощію Г. Ланкастръ сдѣлалъ еще большіе успѣхи и приобрѣлъ себѣ извѣстность, которая немного вскружила ему голову. Онъ сдѣлалъ ошибки; общество, обезпечивъ жребій его, — но не желая хорошее въ сей методѣ смѣшать и испортить странностями творца ея, — неутомимо старалось усовершить и разпространить ее. И оно столько въ томъ успѣло, — что теперь въ Англіи не только нѣтъ ни одного города, въ которомъ бы не было одной или

нѣсколько такихъ школъ; но ихъ учредили также и во всѣхъ Британскихъ владѣніяхъ внѣ Европы. Общество, одушевляемое человѣколюбіемъ, — нетерпящимъ изключеній, равномѣрно благопріятствовало введенію сей системы и у всѣхъ народовъ.

Чтобы просвѣщеніе сдѣлать общимъ,— вотъ первое условіе: *оно должно быть сопряжено съ очень малыми издержками.* Въ такомъ случаѣ семейства, коихъ способы ограничены, могли бы удобно достигнуть извѣстнаго степени образованія; при томъ же во всякомъ мѣстѣ люди достаточные — руководимые чувствами патріотизма, человѣколюбія, или религіи,— тѣмъ охотнѣе стали бы содѣйствовать просвѣщенію самой бѣдной части народа, что для этого были бы потребны только малыя издержки. И такъ при составленіи сего плана сначала обратили вниманіе на *экономію.* Тутъ почти совсѣмъ не употребляютъ книгъ, чернилъ и бумаги: въ классѣ самыхъ малолѣтныхъ дѣтей, которые ничего еще не знаютъ, на подобіе стола поставлена длинная доска съ

нѣсколько выдающимиося краями; на ней разсыпается чистый песокъ. Передъ учениками вѣшаютъ клеенку, на которой изображена какая нибудь буква въ очень большомъ видѣ и которую дѣти списываютъ, чертя пальцемъ по песку. Потомъ Смотритель обходитъ каждаго изъ нихъ, заставляетъ произносить букву, поправляетъ ее пальцемъ, естьли она не правильна; и наконецъ всѣ проведенныя черты заглаживаютъ съ помощію дощечки, которою водятъ по песку. Послѣ сего выставляется другая буква и начинается вновь такимъ же образомъ ученье.

Въ классахъ, которые выше сего, воспитанники имѣютъ при себѣ аспидныя дощечки, на которыхъ пишутъ сперва одну букву, потомъ двѣ; далѣе двоегласныя, потомъ слова; наконецъ въ классахъ, гдѣ обучаютъ ариѳметикѣ, находятся таблицы,— на которыхъ цыфры изображенныя на дощечкахъ, разставляются и соединяются различнымъ образомъ въ мѣстечкахъ сдѣланныхъ для помѣщенія ихъ. Нѣсколько учениковъ употребляется при дѣланіи одного ариѳметическаго правила. Для чте-

нія связной рѣчи употребляются мнѣнія, или изрѣченія напечатанныя большими буквами и наклеенныя на бумагѣ.

Второй экономическій способъ состоитъ въ употребленіи самихъ учениковъ въ качествѣ учителей. Училище раздѣляется на восемь классовъ, въ коихъ ученики дѣлятся по ихъ знаніямъ. Одинъ, или многіе изъ воспитанниковъ втораго класса учатъ первый, въ которомъ находятся самые малые и очень мало знающіе. Воспитанники третьяго класса учатъ второй и т. д. такъ что для училища, состоящаго изъ пяти сотъ учениковъ, потребенъ одинъ только учитель и издержки на каждаго ученика не превосходятъ въ Англіи, (гдѣ все такъ дорого), 7 шиллинговъ (около 9 рублей) въ годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и при томъ когда училище многочисленно, ежегодныя издержки на ученика не превышаютъ даже 6 рублей. И когда подумаешь, что образованіе въ нихъ получаемое скоро и превосходно; то сердечно пожалѣешь, естьли не употребятъ повсюду способа — такъ ма-

ло стоющаго и столь успѣшнаго для образованія грубой части народа.

Экономіи не довольно. Для полученія полнаго успѣха надобно было найти средства и къ тому, что бы останавливать и исправлять бѣглое вниманіе дѣтей. Не желая употреблять никакого тѣлеснаго наказанія, которое могло бы отвратить дѣтей и родителей отъ училищь, — должно было искать сихъ средствъ въ природѣ человѣческаго сердца и въ устройствѣ самыхъ училищь.

Первое изъ сихъ средствъ есть соревнованіе, которымъ по моему мнѣнію совершенно тамъ воспользовались. Въ степеняхъ образованія воспитанники находятся одни передъ глазами другихъ; но не передъ цѣлымъ училищемъ, а передъ своими соревнователями,—передъ глазами тѣхъ, которые могутъ наилучшимъ образомъ слѣдовать за ихъ успѣхами и цѣнить ихъ. Училище раздѣлено на 8 классовъ; каждый классъ на отряды изъ восьми учениковъ и одного Смотрителя. Въ каждомъ отрядѣ ученики разпоряжены по степенямъ ихъ знаній; но таковой порядокъ непостоя-

нень и поминутно перемѣняется. Представьте себѣ учениковъ одного отряда поставленныхъ передъ прикрѣпленною къ стѣнѣ доскою, на которой изображены большими буквами слова. Смотритель отряда указываетъ своей палочкой ученику перваго N° на слово и заставляетъ произносить его; ежели онъ не отвѣчаетъ тотчасъ, то спрашиваетъ у N° 2, N° 3; произнесшій слово переходитъ на первое мѣсто; а другіе такимъ образомъ принуждены бываютъ понизиться на одну степень. При ариѳметическихъ задачахъ наблюдается тоже: естьли N° 6 не знаетъ, или ошибается и естьли скажетъ то число воспитанникъ нижній; то сей заступаетъ мѣсто N° 6-го;— и это наблюдается такъ строго, что ученики никогда не дожидаются, чтобъ ихъ заставили перемѣнить мѣсто: они сами разпоряжаются, смотря по ихъ знаніямъ — и не терпятъ между собою ни малѣйшаго обойденія.

Естьлижъ надобно посмотрѣть, кто лучше написалъ на аспидной дощечкѣ; то два N° съ своими дощечками подходятъ къ учителю, поднявши ихъ передъ собою.

Учитель, не говоря ни слова, дотрогивается пальцемъ до той, на которой написано лучше и — это первый.

Такимъ образомъ одинъ отрядъ оспориваетъ передъ другимъ свои знанія, такъ что невозможно лучшему ученику не сдѣлаться въ короткое время первымъ въ первомъ отрядѣ и не перейти въ высшій классъ въ то время, какъ скоро онъ столько успѣетъ, что будетъ имѣть на то право.

По видимому опасаться можно, чтобы соревнованіе такъ живо и такъ постоянно возбуждаемое, при многихъ хорошихъ дѣйствіяхъ, не произвело нѣсколько худыхъ: зависти, ненависти, вражды и пр.; но я не примѣтилъ этого ни малѣйшаго слѣда и думаю всё происходитъ отъ того, что сіи преимущества не долговременнѣе самой заслуги. Тотъ, кто былъ пониженъ нынѣ, можетъ надѣяться быть повышеннымъ завтра.

Таже сила соревнованія не менѣе можетъ быть успѣшна и въ наукахъ болѣе важныхъ. Въ высшемъ училищѣ Эдимбургскомъ, коего устройство сообразное съ

началами сей новой системы дѣлаетъ столько чести Г. *Миллансу*,—пять Профессоровъ учатъ Греческому и Латинскому языкамъ *семь сотъ* воспитанниковъ и съ великимъ успѣхомъ.

Поелику во всей этой системѣ воспитанїя всегда искали только средствъ въ природѣ вещей и въ свойствахъ человѣка, такъ какъ онъ есть; то увидѣли, что, дабы не утомить вниманїе дѣтей, надобно поддерживать его разнообразїемъ и въ тоже время удовлетворять нуждѣ движенїя столь необходимаго юному возрасту. Сїи училища не походятъ, какъ обыкновенныя, на галеры, — въ которыхъ каждаго ученика насильно заставляютъ быть исправнымъ. Новыя училища представляютъ рабочую, въ которой часть работающихъ бываетъ въ постоянномъ движенїи. Залы вообще имѣютъ видъ длиннаго четыреугольника, въ концѣ котораго на возвышенїи стоитъ учительскїй столъ. Скамьи и неподвижные столы учениковъ разставлены передъ нимъ на небольшой покатости, какъ въ театральныхъ партерахъ. Телеграфическїй знакъ даетъ

знать одному изъ классовъ, что онъ долженъ заниматься *тѣмъ-то*, на пр. складывать слова. Въ тужъ минуту всѣ отряды того класса оставляютъ мѣста и идутъ, каждый подъ командою своего смотрителя, ступая въ одинъ шагъ и размѣрно ударяя руками. Такимъ образомъ подходятъ они къ учителю и принимаютъ дощечки, которыя онъ раздаетъ имъ. Учениковъ, которые идутъ рядомъ одни за другими, заставляютъ ногами и руками бить въ тактъ, — дабы они не сталкивались другъ съ другомъ.

Наконецъ несутъ таблицу въ такомъ же порядкѣ и привѣшиваютъ ее къ стѣнѣ въ назначенномъ для нея мѣстѣ. Ученики становятся на подобіе полукруга около таблицы и смотритель съ палочкою въ рукѣ спрашиваетъ ихъ. Всѣ эти малютки устремляютъ вниманіе свое на того, который отвѣчаетъ, — дабы отвѣчать въ свою очередь, естьли тотъ ошибется и — быть повышеннымъ. При другомъ знакѣ всѣ отряды возвращаются на свое мѣсто; отряды другаго класса выступаютъ съ такими же церемоніями.

Хотя въ училищѣ не умолкаетъ шумъ и не прерывается движеніе; но поелику эшотъ шумъ и это движеніе правильны,— то они ни мало не развлекаютъ тѣхъ, кои заняты другимъ упражненіемъ.

При семъ устройствѣ, по которому всѣ воспитанники безпрестанно находятся передъ глазами своихъ товарищей, — и гдѣ однакожъ никогда не бываетъ соединено вдругъ болѣе восьми подъ однимъ смотрителемъ, который безпрестанно опасается потерять свое почетное мѣсто, — безпорядки очень трудны и весьма рѣдки. При ученикахъ ли находится учитель или нѣтъ его; — все идетъ своимъ порядкомъ. Помощникъ учителя, каковымъ бываетъ воспитанникъ наиболѣе успѣвшій, наблюдаетъ тоже смотрѣніе за ними. Естьли же понадобится смотрителю отлучиться; то его мѣсто заступаетъ номеръ самый высшій изъ его отряда. Отсюда выходитъ самое простое послѣдствіе,— что довольно бываетъ очень нестрогихъ наказаній, да и то рѣдко. Кое-когда попадается дитя съ запискою на груди: *ученикъ шалунъ*, или *неопрятный ученикъ*,

своевольный ученикъ. Рѣдко сажаютъ ихъ въ карцеръ. . .

По такому же плану есть училища устроенныя и для дѣвицъ; и даже въ школахъ сего рода, учрежденныхъ въ Голландіи и въ Англіи, порядокъ столь совершенъ,— что дѣвушки могутъ учиться въ училищахъ мальчиковъ безъ малѣйшихъ при томъ неудобствъ.

Г. Ластери присовокупляетъ свое желаніе, чтобы составилось Общество для сего и въ Парижѣ. И его желаніе теперь исполнено. *Г — ій.*

Желанія членовъ сихъ иностранныхъ Обществъ должны быть желаніями всѣхъ и нашихъ образованныхъ, благомыслящихъ соотечественниковъ.

Конечно не такого мнѣнія будетъ та помѣщица, которая на вопросъ: *почему не столько занимаются въ господскихъ деревняхъ заведеніемъ приходскихъ училищъ?* отвѣчала: *если наши подданные будутъ умѣть читать и писать; то имъ не долго возмечтать, что они умнѣе своихъ господъ. Мужикъ долженъ*

быть мужикомъ, какъ онъ сотворенъ. Жалкая мысль! это показываетъ съ одной стороны слабость понятія, а съ другой самую глупую гордость. И я конечно съ сожалѣніемъ предалъ бы забвенію такую гнусную черту; естьли бы слова сей помѣщицы не были отголоскомъ многихъ подобныхъ ей, какъ женскаго такъ и мужескаго рода.

Таковымъ бы сказалъ я: думаете ли вы, что вашъ крестьянинъ начитавшійся Рускихъ книгъ, — за нравственность которыхъ ручается наша благоразумная цензура, — будетъ для васъ вреднѣе, нежели вашъ сынъ, или вашъ внукъ — напитанные ученіемъ Гельвеція и подобныхъ мудрецовъ — для отечества? — Изъ двухъ тысячь, которые платите вы Французу, отдѣлите только пять сотъ для вашего училища; дайте новыя занятія церковнослужителямъ, дабы они могли быть существенно полезны, — и будьте спокойны на щотъ того, что ваши *подданные* будутъ умнѣе васъ: они за то и вамъ больше принесутъ пользы, — по Руской пословицѣ: *за одного умнаго дастъ десять глупыхъ.*

Переводчикъ.

Письмо къ Издателямъ.

Милостивые Государи и любезные мосье!

Жезу мерси, что вы мои письма вывели въ люди; примите ужъ и вотъ это со всѣмъ особеннаго содержанія отъ прежнихъ, — порадуйтесь моей радости и щастливому обороту въ моей жизни. Вы скажете: *со святыми упокой* женѣ моей? — Нѣтъ: она жива, здорова, весела, *добра* — и это истинна. Чего не здѣлаютъ Французы! Правда, — что легче было имъ овладѣть Москвою, нежели перемѣнить нравъ моей жены; но они и въ томъ успѣли. Вотъ какъ: — скучалъ я вамъ, да и скучалъ о Французѣ-то; ждать-пождать, нѣтъ ничего. Ужъ и Вѣстника вашего вездѣ начитались, а хлѣбникъ не бывалъ; да и вы въ отвѣтъ мнѣ ни одного словечка: ожидать ли, или нѣтъ. Вотъ я и тужу, тужу; — вдругъ вечеромъ входитъ человѣкъ бѣдно одѣтый, видной, стройной, ловкой и слѣдовательно умной; начинаетъ худымъ Рускимъ языкомъ просить позво-

ленїя переночевать въ домѣ — „Милости просимъ, отъ хлѣба - соли не отказываемъ; мы Рускїе любимъ и враговъ ухлѣбить. Ваша честь кто таковы?„ — Тутъ онъ съ полчаса выщитывалъ свои прозванїя и родословную; вышло что онъ старой Француской Графъ, а новой Баронъ;— повредивъ нечаянно лапку постѣльной собачки принадлежавшей любовницѣ камердинера Секретарскаго, который служилъ при докладчикѣ перваго Министра,— былъ онъ сосланъ куда то, подобно какъ у насъ въ Сибирь;—потомъ когда покойникъ Наполеонъ вышелъ въ люди; то и всѣ ссылочные стали также въ чести и онъ опять досталъ себѣ черезъ нѣсколько чиновъ одинъ огромный. Послѣ замиренїя пустился вояжировать; а неподалеку отъ нашего села люди его бросили, уѣхали и онъ остался почти какъ при рожденїи своемъ;— вотъ въ короткихъ словахъ его длинная Исторїя. Привсталъ я послѣ сего и, снявъ долой свой колпакъ, просилъ Его Сїятельство садиться; а между тѣмъ, велѣвъ зажечь другую свѣчу, пошелъ докладывать своей женѣ о вновь прибывшемъ гостѣ. Послѣ обыкно-

венной перепалки и выговора, *за чѣмъ всякую дрянь оставляю ночевать*, вышла и она къ нему. А сказавъ слова два-три замѣшила, что гость этотъ человѣкъ бойкій. — Вотъ мы и пустилися въ распросы про его землю и про другіе иностранныя. Разказы его полились рѣкою, хотя мутною отъ смѣси Французскаго съ Русскимъ: то усядется онъ на корабль, то верьхомъ поскачетъ, то въ плѣнъ попадется, то арміею закомандуетъ — словомъ вышелъ золотой человѣкъ. Изъ сего разговора узналъ я въ первой разъ въ жизни, что въ каждомъ государствѣ разные нравы и обычаи. Вѣдь чудеса же на свѣтѣ! Кому бы пришло въ голову замѣтить это? А Французъ не пропустилъ. Между тѣмъ вошла Дуняша; онъ къ ней съ поклонами, да съ привѣтствіями; — она стала въ тупикъ, и я взялся вывести ее изъ замѣшательства. — „Не погнѣвайся Мусье, дѣвка-та еще необразована и не умѣетъ сказать по вашему учтиваго слова„ —Какъ вскрикнетъ мой графъ по своему — и понесъ свою аллегорію! — Я думаю, что намъ шутъ досталося; потомъ пря-

мо поруски упрекалъ насъ, что мы губимъ дѣвку не воспитывая. Жена обрадовалася случаю браниться и давай всю бѣду на меня сворачивать, а я — прошу не погнѣваться — своротилъ ее на васъ Гг. и разсказалъ, какъ дѣло было. Тутъто онъ васъ пожурилъ за невниманїе къ нуждамъ своихъ собратїй, тѣмъ больше что Француза въ каждомъ городкѣ можно найти. При семъ и я пробормоталъ про себя старинную пословицу: правда вѣтъ *Француза и фальшивую монету хочетъ носитъ по всему свѣту*. Наконецъ кончилъ онъ тѣмъ, что размышляя съ полчаса, вызвался, — не хотимъ ли мы его имѣть учителемъ? Меня обдало холоднымъ потомъ. — „Батюшка ты мой, Г. „мусье графъ, Ваше Баронское Сїятель„ство! Да какъ намъ про этакую честь „и подумать? да чѣмъ мы вамъ пла„тить будемъ?„ — Фуй, платить. Я человѣкъ благородной и въ состоянїи самъ дать вамъ жалованье; я буду учить ее изъ жалости, безъ всякой платы. Но что бы не унизить чести *великой нацїи*, будто Французы могутъ чѣмъ нибудь жертво-

вать, или служить изъ куска хлѣба, — я стану брать у васъ въ годъ 2000 руб. для моего камердинера. Ни слова больше не смѣйте мнѣ для него предлагать; я васъ увѣряю, что онъ изъ честолюбія больше не возметъ. — И такъ Мм. Гг. ни думано, ни гадано, — а у насъ очутился учитель, да еще и безъ платы, да еще Графъ и Баронъ! Нѣчего дѣлать; съ знатнымъ не тяжись, а особливо нашъ братъ не умѣющій и подступить къ нимъ. Однакожъ подлинно, Французы рѣдкой народъ! Посудите: знатной вельможа вояжируетъ, находитъ необразованную дѣвушку, забываетъ все чѣмъ онъ обязанъ отечеству, славѣ и — остается жить въ семействѣ, съ которымъ едва выпилъ чашку чаю и то безъ рому! — Нѣтъ таки, правду сказать, великая нація, великіе люди! Прошу же покорно нашихъ Рускихъ посмотрѣть: не разпознаешъ, сударь, Графа отъ простаго Дворянина иначе, какъ только по паспорту, или по бумагамъ; все такъ просто, такъ незатѣйливо. Нѣтъ, не скоро мы еще будемъ подобны Французамъ; хотя и крѣпко хотимъ все перенять у нихъ!

Первая наша матерія кончилась обоестороннымъ согласіемъ; но для Графа учительской должности показалось мало. Разпросивъ о нашихъ доходахъ, ужаснулся онъ услышавъ, что мы получаемъ только по 50 руб. съ тягла. — Какъ! сказалъ онъ, мужикъ платитъ оброкъ? Нѣтъ, дай все что имѣетъ; оно „все господское какъ и онъ самъ.„— И вѣдь это сущая правда! Иначе мужикъ забудется. Я согласился и въ семъ, по манію жены моей, съ Г. Мусье; а онъ по великодушію своему взялся управлять всѣмъ нашимъ имѣніемъ. Такимъ образомъ мы разошлись по своимъ комнатамъ въ совершенномъ согласіи. По утру я здалъ ему всѣ свои записки и наличностію 12.800 руб. Г-нъ же Баронъ съ своей стороны далъ мнѣ увѣреніе, что онъ поворотитъ деньгами и что они у него лежать не будутъ.-- „ Голубчикъ ты мой, воскликнулъ я отъ радости и поцаловалъ его за ушки, „дѣлай, „что тебѣ угодно; ученому книги въ ру„ки „ — Онъ немедлѣнно осмотрѣлъ домъ и отвелъ себѣ три комнаты, бывшіе прежде моими; а мнѣ назначилъ внизу бу-

фетчиковъ чулан.—довольно бы покойной, если бы не было по соседству его кашка. Потомъ созвалъ всю дворню,— приказалъ барыню называть Мадамъ, Дуняшу Мадемоазель, меня Фалурденъ (*), а себя Мосье ле Контъ. Изъ кучеровъ выбралъ самаго ражаго и назначилъ дворецкимъ; псарей моихъ произвелъ въ офиціанты,— а изъ деревни 20-ть парней, видныхъ собою, взялъ въ лакеи и разставилъ у каждой двери по три лакея;— умереть надобно со смѣху, какъ онъ ихъ школитъ: чуть не такъ затворилъ, или отворилъ дверь— такъ и оплеушина, а подъ часъ и на конюшню. Да правду сказать ужъ въ такой привелъ все порядокъ,— что его больше боятся, нежели меня — своего настоящаго господина. Хлѣбопашество хочетъ онъ бросить; и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ мнѣ разсказалъ о трудахъ и времени потребныхъ на полученіе четверти хлѣба;— такъ я ужаснулся, мнѣ прежде объ этомъ и въ голову не приходило. Вмѣсто того предполагаетъ онъ завести кружевную

(*) Не тотъ ли же Фалалей, да только по Французски — *Falourdin* ? —

фабрику; — и какой доходъ будетъ! Есть кружева по 500 руб. аршинъ; такъ прошу же покорно на хлѣбѣ такой барышъ взять. И такъ, по совѣту Мусье, я закладываю деревнишку; а деньги онъ куда-то помлетъ на нитки и машины;—потомъ засажу всѣхъ крестьянъ за кружева и коли въ Успенскую чуть увидите даму всю закутанную въ кружева,—то знайте, что это моя жена. Тысячь на сто по увѣренію его будетъ и къ продажѣ. Каково это?— Вѣдь у меня тысяча душъ обоего пола, да у каждой души по двѣ руки; такъ нѣсколько аршинъ въ день выкинутъ — и деньги лопатой греби. — А тамъ со временемъ вѣрно и еще онъ придумаетъ что нибудь къ нашему благополучію.

Что же, подумаете вы, онъ съ Дуняшей сдѣлалъ? — Въ первой день какъ съ ней занялся, собрались мы вечеромъ пить чай; вотъ онъ входитъ съ нею; — она вдругъ отпустила книксенъ — да какой же? — хотя бы первая танцовщица у васъ на театрѣ. Не успѣли мы придти въ себя отъ удивленія, какъ вдругъ она преобстоятельно сказала: — *бонъ соаръ!* ...

Слезы радости брызнули въ мою чашку и едва не уронилъ я трубки! — „Велика милость твоя, мусье ле конть! чѣмъ намъ тебя благодарить„? — И вообразите; въ одинъ день столько успѣховъ! Но верьхъ его ума и наилучшее дѣло то, что онъ хотя и съ трудомъ,—успѣлъ переработать нравъ жены моей! Между прочими уроками сказалъ онъ ей, что на мужей никогда не должно сердиться, — равно какъ на шутовъ, собачекъ и т. п. — и чуть ли это не правда?! — Теперь, вмѣсто дурака, нѣтъ мнѣ другаго имени, какъ фаля — отъ Французскаго фалурдень. Я ничемъ теперь не занимаюсь; а потому ни за что и не отвѣчаю. Призываютъ меня только къ столу и чаю. Графъ поминутно говоритъ съ женою, — слѣдовательно ей нѣкогда и взглянуть на меня; и стало быть я остаюсь въ ненарушимомъ покоѣ. Вотъ о чемъ долженъ былъ къ вамъ писать, Мм. Гг. и похвалиться своимъ щастьемъ. Многіе позавидуютъ перемѣнѣ моей участи, хотя жена моя и здравствуетъ. Чтожъ? средство извѣстно; пусть умѣютъ имъ воспользоваться. Итакъ по отпускѣ се-

го письма нахожусь, какъ я и сказалъ вамъ; а впередъ надѣюсь лучшаго. Мусье ле контъ обѣщаетъ въ скоромъ времени привести меня въ такое состоянїе, какимъ наслаждаются не многїе помѣщики и во Францїи; да обнадеживаетъ, что и Правительство будетъ обо мнѣ знать. То-то человѣкъ! Правда, онъ много заставляетъ меня занимать денегъ; но вѣрно воротитъ ихъ съ барышемъ. Все беретъ и посылаетъ въ Москву не извѣстно на что; а на вопросъ мой всегда отвѣчаетъ: о! будетъ штука, будетъ штука! Душа моя заранѣе веселится!— Между тѣмъ, обозъ его пропалъ и ни слуху, ни духу нѣтъ. Какъ же, думаете вы, переноситъ онъ это нещастїе? Хмъ! рѣдко-великодушный человѣкъ! всѣ его деньги, брилїанты, бумаги, все — все пропало; а онъ и не вздохнетъ: да еще и заботится только о своемъ камердинерѣ. — 2000 руб. уговорныхъ за ученїе взялъ уже сполна и послѣ того хотя бы помянулъ о нихъ; конечно, великая душа его не попользовалась изъ нихъ ни одной копейкою.

На первой разъ, пока привезутъ ему изъ города новое платье, взялъ онъ мое; взялъ также часы, табакерку и прочія вещицы,— а я хожу въ его сертучишкѣ; за то однакожъ обѣщалъ онъ мнѣ новую пару. Въ ученіи у него рѣдкая манера: такъ или не такъ,—все хорошо, все хвалитъ и ласкаетъ Дуню; а чрезъ то будетъ она скоро великая мастерица. Бо лучшихъ молодыхъ робятъ взялъ еще изъ деревни и заводитъ роговую музыку; говоритъ, что заняться симъ особенно—есть дѣло Мадамино и ей стыдно, что мужъ ея не при рогахъ обѣдаетъ. И надобно отдать ей справедливость, она много старается исправить сей недостатокъ. Вотъ пришло время, что и мы въ чести. А за все это обязаны Французу. Въ благодарность ему подхватилъ и я на старость нѣсколько Французскихъ словъ, какъ видите въ началѣ письма.

И такъ, Месье, вотъ вамъ моя радость! Порадуйте ею и тѣхъ добрыхъ людей, кои принимали во мнѣ участіе. Адье!

Есьмъ какъ и былъ, только съ небольшою перемѣною:

Фалурдень Повинухинъ.

15 Апрѣля 1816.
Съ будущей кружевной
фабрики.

P. S. Вы ничего не говорите о вашемъ согласіи на описанїе исторіи нашего дома; я жъ имѣю теперь большой досугъ. Почему, принимая молчанїе ваше за согласїе, — примусь тотчасъ за дѣло и скоро пришлю вамъ наставительную Исторію. Повѣрьте, что писать стану не изъ хвастовства; а желая больше всего служить примѣромъ другимъ мнѣ подобнымъ. И если не образумлю ихъ на щотъ щастливой жизни; такъ можетъ быть предостерегу другихъ: ибо знаю что многїе желаютъ себѣ такого щастїя. —

Издатели желаютъ скорѣе видѣть надъ Г. Повинухинымъ выщитанныя Французскимъ Графомъ *послѣдствія*. А симъ